

ИРИНА САВИЦКАЯ

РАЗВОД
С КОМАНДИРОМ
ДРАКОНОВ

или

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА БЕЗ МАГИИ

Ирина Савицкая

Развод с командиром драконов.

Целительница без магии.

<https://litres.ru/74469308>

Аннотация

Меня выдали замуж за командира Драконьей Гвардии ради политического союза. Три года я была «удобной женой» — тихой, незаметной, ведущей домашние счета. Он ценил меня за точность, но не за то, кто я есть. Сегодня он подписал развод, предложив два сундука серебра и патент на торговлю в Нижнем округе.

Он думал, что я сломаюсь. Вместо этого я обнаружила в себе силу, о которой не знала: я не вливаю магию в раны, я выравниваю потоки. Мой дар — балансировать то, что другие ломают. И когда древние узлы начинают пробуждаться, а Инквизиция включает глушители, чтобы заставить мир замолчать, я становлюсь последней, кто умеет слышать.

Вместе со мной идет тот, кто не пытается меня спасти. Он просто стоит рядом, закрывая собой от ударов. Он не требует быть идеальной. Он остается.

Но прошлое не отпускает. Бывший муж следит за каждым шагом, Канцелярия объявляет меня угрозой, а под Северными льдами просыпается то, что ждало три века. КНИГА-2 здесь:

Содержание

ГЛАВА 1 Сведение баланса	4
ГЛАВА 2 Дебет: боль. Кредит: выживание	14
ГЛАВА 3 Врата и печать	29
ГЛАВА 4 Эхо, которое учит слышать	45
ГЛАВА 5 Тот, кто приходит без стука	65
ГЛАВА 6 Нити, которые учат слушать	80
ГЛАВА 7 Круг, который не ждет очереди	87
ГЛАВА 8 Испытание резонанса и тень, что пришла из прошлого	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

ГЛАВА 1 Сведение баланса

Кабинет пах озоном, старой пергаментной пылью и едва уловимой горечью драконьего воска. Тяжелые дубовые ставни были плотно закрыты, отфильтровывая дневной свет Аэтель-Хольда до тусклого, янтарного свечения. На стенах висели геральдические щиты гвардии: черное пламя на серебряном фоне, перекрещенные копья, латы, отполированные до зеркального блеска. Все в этом помещении говорило о порядке, дисциплине и неумолимой иерархии. Все, кроме меня.

Я сидела в кресле из темной кожи, выпрямив спину. Поза была знакомой: так я сидела за рабочим столом в московской бухгалтерской фирме, когда сводила квартальные отчеты, проверяла накладные и закрывала периоды. Руки лежали на подлокотниках ровно, без напряжения. Пальцы не трепали край платья. Дыхание — размеренное, глубокое. Три года жизни в этом мире научили меня главному: паника не решает уравнений. Она только ломает цифры.

За массивным столом из черного обсидиана сидел Валериан. Командир Драконьей Гвардии. Мой муж по документам Империи. Последние сто дней он спал на кушетке в оружейной, а сегодня вызвал меня для «окончательного урегулирования».

Он не поднимал глаз. Перо скользило по плотному листу

гербовой бумаги, оставляя четкий, угловатый почерк. Звук был сухой, как отрезание ножниц. Я даже мысленно отметила для себя: *«Чернила на основе смолы железного дерева. Сохнут за двенадцать секунд. Стоимость одной бутылки — три месяца жалования подмастерья. Нерационально, если не считать статуса»*.

— Подпиши, Арина, — наконец произнес он. Голос ровный, без ноток. Как отчет о списании имущества. — Казна уже перевела компенсацию. Два сундука серебра, проездная грамота в Нижний округ и годовой патент на торговлю. Ты свободна.

Я посмотрела на его профиль. Острый подбородок, четкая линия скул, виски, где под кожей проступала тонкая сеть чешуйчатых теней — признак чистой крови древнего рода. Раньше эти глаза цвета расплавленного янтаря смотрели на меня с теплом. Когда я впервые принесла ему оптимизированный реестр поставок провизии, он улыбнулся. Когда я настояла на пересчете рациона для молодых драконов-новобранцев, он кивнул и сказал: «Ты видишь то, что другие пропускают». Тогда это было комплиментом. Теперь — констатацией.

Я понимала, когда соглашалась на этот союз. Империя нуждалась в женщине без клановых амбиций, чтобы закрыть политическую дыру после мятежа Северных легионов. Мне нужна была безопасность. В моем мире, на Земле, я была просто Ариной. Невысокая, плотная, с мягкими линиями,

которые в глянцевых журналах называли «проблемными», а в Москве — «уютными». Я носила удобную обувь, любила вязанные кардиганы, знала, как растягивать бюджет на три семьи, и не пыталась вписаться в рамки, которые мне не подходили. Мама гладила меня по голове перед сном и шептала: «Ты у нас теплая, дочка. Мир часто холодный, а ты — нет». Брат, вечно смеющийся, вечно занятый своими стартами, называл меня «главбухом нашего семейного бюджета» и просил советы по налогам. Они любили меня. Без условий. Без фильтров. Без попыток переделать.

Здесь все было иначе. Двор ценил тонкость, бледность, легкость походки, способность молчать в нужный момент и улыбаться в нужный другой. Мои формы называли «неудобными для драконьих уз». Моя прямота — «отсутствием такта». Моя любовь к порядку — «мелочностью». Я не пыталась стать другой. Я просто вела свою жизнь, как вела отчеты: честно, системно, без эмоций в графах.

— Я вписывалась в ваши реестры, командир, — сказала я. Голос прозвучал ровно, без дрожи. — Во дворы я и не собиралась. Счет закрыт.

Он наконец отложил перо. Поднял взгляд. В его глазах мелькнуло что-то вроде облегчения. Или, может быть, усталости. Драконы не показывают слабости, но шрамы на совести невидимы только для того, кто сам их носит.

— Ты ведь не из этого мира, — произнес он. Не вопрос. Факт, который пора вынести из архива. — Твоя... внеш-

ность. Твои привычки. Ты ешь, когда хочешь. Смеешься, когда не положено. Смотришь в глаза, когда следует опустить. Ты не вписываешься в структуру. И структура не выдерживает тебя.

Я медленно встала. Кресло не скрипнуло. Я всегда знала, как занимать место: не чтобы мешать, но и не чтобы исчезать. Мои плечи расправились. Подол темно-зеленого платья, сшитого из прочной ткани, не замялся. Я провела взглядом по столу. Не взяла перстень с рубином — он принадлежал дому Валериана. Не взяла серебряную брошь в виде крыла — ее дарила мать-аристократка, которую я так и не сумела принять. Взяла только одно.

Маленький латунный балансир. Настольные весы, которые брат подарил мне на выпускной. «Чтобы всегда видела, где перевес», — сказал он тогда, обнимая меня так крепко, что я едва не выронила диплом. В этом мире у них не было аналогов. Маги измеряли силу потоков хрустальными сферами, воины — тяжестью клинка. Но суть осталась прежней: честный счет. Точный вес. Никаких скрытых граф.

Я спрятала балансир в карман. Металл приятно охлаждал ладонь.

— Когда уходят караваны в Нижний округ? — спросила я.

— На рассвете. Через двое суток. Стража у ворот имеет приказ пропустить тебя без досмотра.

— Спасибо. — Я кивнула. — Желаю тебе стабильных поставок и честных союзников.

Я повернулась. Дверь из темного дерева открылась беззвучно, словно сама понимала, что за ней стоит конец эпохи. Я шагнула в коридор.

Холод ударил в лицо сразу. Каменные стены дворца Аэтель-Хольда впитывали тепло, как губка воду. Факелы в медных светильниках отбрасывали длинные, пляшущие тени. Пол был вымощен серым базальтом, отполированным тысячами сапог. Я шла ровно. Не торопясь. Не оглядываясь.

Стража у арки опустила глаза. Два гвардейца в латах с гербами дракона. Молодые, с напряженными челюстями. Они слышали все. Дворец — это не крепость из камня. Это крепость из сплетен. И новость о разводе уже летела по коридорам, опережая меня на два пролета лестницы.

«Неудобная жена», — шептали одни. «Безродная попаданка», — фыркали другие. «Не выдержала давления», — решали третьи. Я не оправдывалась. Никогда не оправдывалась. В бухгалтерии есть правило: если сумма не сходится, ищут ошибку в проводке, а не в аксиоме. Я не искала одобрения. Я просто перестала подгонять себя под чужие таблицы.

Лестница вывела во внутренний двор. Дождь моросил мелкий, противный, как пыль, взвешенная в воздухе. Небо затянуло свинцовыми тучами. Ветер нес запах сырой земли, конского пота и далекого костра. Я спустилась по ступеням, чувствуя, как тяжелая ткань платья намокает у подола. Не стало холодно. Стало... легче. Словно с плеч сняли невидимый рюкзак, набитый чужими ожиданиями.

Я прошла мимо конюшен, мимо кузницы, где гномы-ремонтники стучали молотами по раскаленному металлу, мимо сада, где росли серебряные лилии, цветущие только при луне. Дворец Аэтель-Хольда был красив. Строг. Безупречен. И совершенно бездушный. Я не скучала по нему. Ни секунды.

У трещины в брусчатке, где скапливалась лужа, лежал городской кот. Обычный, полосатый, с облезлым ухом. Он не мяукал. Просто лежал, тяжело дыша, и из-под шерсти на задней лапе торчала кость. Грязная, сломанная. Вокруг нее темнела запекшаяся кровь. Мимо проходили слуги, маги-подмастерья, торговцы. Никто не остановился. В Аэтель-Хольде жизнь ценилась ровно настолько, насколько она полезна структуре. Кот не был полезен. Значит, не был важен.

Я присела на корточки. Кот не мяукал — только хрипел, и в этом хрипе я услышала не боль, а счет.

Дебет: жизнь — 12%. Кредит: воспаление — 34%. Сальдо: минус.

В голове щелкнуло, как старый абакус. Я не знала заклиний. Я просто перекинула тепло из своей правой ладони в его сломанную кость. 2% туда, 3% на сосуды, 1% на шерсть, чтобы не мерз.

Кость встала на место. Кожа затянулась. Шерсть встала

дыбом. Кот фыркнул, резко, по-животному, вскочил и рванул прочь, оставляя на брусчатке мокрые следы.

Я осталась сидеть. Смотрела на свои руки. Дрожат. Не от страха. От понимания.

Меня не выгнали. Меня освободили.

Три года я думала, что магия — это дар, который дают при рождении. Что сила измеряется вспышками, треском, сиянием. Что целители вливают энергию, как воду в сосуд. Но что, если сосуд треснул? Что, если лить бесполезно? Что, если нужно не добавлять, а *выравнивать*?

Я подняла взгляд. Дождь усилился. Капли барабанили по каменным плитам, по крышам, по моим плечам. Я не двинулась с места. Внутри что-то перестроилось. Как файл, который наконец открылся в правильной кодировке. Все встало на свои места. Боль. Отчуждение. Невидимость. Они не были приговором. Они были подготовкой.

Из тени арки вышел мужчина.

Он появился беззвучно, словно материализовался из самой сырости. Высокий. Широкоплечий. В промокшем до нити плаще темно-серого цвета, который не скрывал, а подчеркивал мощь фигуры. Капюшон был надвинут низко, но я видела линию подбородка, тень шрама на шее, сжатые губы. Он не шел. Он *стоял*. И смотрел.

— Давно не видел тех, кто чинит мир, а не ломает его, — его голос прозвучал низко, с хрипотцой, как камень, трущийся о камень. Но в нем не было угрозы. Была... оценка.

— Ты случайно не ищешь работу, госпожа... бухгалтер?

Я медленно встала. Вода стекала с подола платья, но мне было все равно. Я вытерла ладонь о ткань. Посмотрела ему в глаза. Под капюшоном они были темными. Не черными. Глубокими. Как колодец, в который бросили монету и еще не услышали удара о дно.

— А кто предлагает? — спросила я. Голос не дрогнул.

— Тот, кто знает, что в Аэтель-Хольде ценят силу, но забывают, как ее применять, — он сделал шаг вперед. Дождь стекал по его лицу, но он не моргал. — Меня зовут Дариан. Я не маг. Не воин. Я тот, кто закрывает дыры, которые другие считают неизбежными.

— И какая у меня дыра? — я усмехнулась. Впервые за сегодня. По-настоящему.

— Та, что ты до сих пор думаешь, будто твой счет закрыт, — он кивнул на карман, где лежал балансир. — А он только начал открываться.

Ветер пронесся между нами, унося капли дождя в стороны. Где-то вдалеке прозвучал гонг, отсчитывая время смены караула. Мир не остановился. Он продолжал вращаться. Но я больше не была шестеренкой. Я была рукой, которая держит отвертку.

— У меня есть условия, — сказала я.

— Я слышу, — ответил он.

— Первое: я не служанка. Не талисман. Не «удобная вещь» для закрытия ваших проблем. — Второе: я работаю

за результат, не за обещания. — Третье: если вы попытаетесь меня использовать — я закрою ваш доступ к потокам. Навсегда.

Он замер. На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Потом — усмешка. — Жестко. Честно. Я принимаю. Но у меня тоже есть условие. — Слушаю. — Ты идешь со мной. Не как тень. Как партнер. Мы живем под одной крышей до конца контракта. Ты балансируешь то, что я не могу починить. Я закрываю то, что ты не видишь.

Я посмотрела на его лицо. На свои ладони. На небо, где начинало проглядывать бледное, холодное солнце. — Согласна. Но условия пишу я.

Дариан кивнул. Отодвинул капюшон. Впервые я увидела его полностью. Шрам на скуле. Усталые, но ясные глаза. Лицо, которое не пряталось за маской вежливости или статуса. Лицо человека, который давно перестал ждать милости и начал строить свою систему выживания.

— Тогда собирайся, Арина, — сказал он. — Рассвет через двое суток. Но мы уйдем раньше. Потому что Гильдия уже знает, что ты сделала с котом. А те, кто знает, никогда не ждут рассвета.

Он развернулся. Плащ взметнулся, как крыло. И растворился в дожде, не оставив следов.

Я осталась одна. Дождь барабанил по каменным плитам. В кармане лежал латунный балансир. В груди билось сердце. В голове горели строки.

Дебет: предательство. Кредит: свобода. Сальдо: ноль. Дебет: страх. Кредит: выбор. Сальдо: плюс. Дебет: прошлое. Кредит: начало. Сальдо: бесконечность.

Я улыбнулась. Впервые за три года. По-настоящему. И пошла собирать вещи.

ГЛАВА 2 Дебет: боль. Кредит: выживание

Нижний округ не встречал. Он поглощал.

Стоило миновать арку Внутреннего кольца, как мир Аэтель-Хольда сменил кожу. Мрамор и обсидиан уступили место темному брусу, красному кирпичу и камню, пропитанному сажей так глубоко, что ни один дождь не смог бы его отмыть. Улицы сузились, превратившись в лабиринт нависающих балконов, перекинутых между домами деревянных мостков и вывесок, скрипящих на ржавых цепях. Воздух стал густым, теплым, насыщенным запахами: жареного лука и тмина, мокрой шерсти, дегтя, кислого вина, дешевого мыла и чего-то металлического, напоминающего кровь и озон одновременно.

Я шла не спеша, прижимая к груди небольшую кожаную сумку. Внутри: два платья, смена белья, латунный балансир, блокнот в твердом переплете, чернильница, полбуханки черного хлеба, головка сыра и три серебряных монеты. Все, что осталось от трех лет жизни в статусе «командирши». Не гвардии. Не дома. Статуса. Словно ярлык на картотечной папке, который можно снять, не повредив содержимого.

Дворец Аэтель-Хольда был стерильным. Там каждый звук контролировался, каждый взгляд взвешивался, каждый шаг

подчинялся ритуалу. Здесь жизнь билась открыто, неровно, иногда грубо, но честно. Торговки выкрикивали цены, подмастерья тащили мешки с углем, дети бегали босиком по лужам, старики сидели на крыльцах и чинили сети. Никто не притворялся. Никто не ждал разрешения существовать.

Я остановилась у перекрестка. Слева — трактир с вывеской «Хромой Грифон», справа — лавка травника, прямо — узкий проулок, ведущий к кварталу мастеров. Внизу, у каменной стены, сидел мужчина в потертом кафтане и играл на дудочке мелодию, в которой угадывалась тоска по южным ветрам. Я бросила ему медную монету. Он кивнул, не прерывая игры. Мелочь, но важная: в бухгалтерии жизни каждая проводка должна быть обоснована. Это была не жалость. Это инвестиция в атмосферу, в которой мне предстояло жить.

«Нижний округ. Плотность населения: высокая. Инфраструктура: изношенная, но функциональная. Риски: кражи, пожары, эпидемии. Преимущества: отсутствие иерархического давления, живая экономика, доступ к базовым ресурсам без патентов.» Я мысленно вела журнал. Привычка не исчезла. Она адаптировалась. На Земле я сводила отчеты для логистических компаний. Здесь я буду сводить отчеты для собственной жизни. Разница лишь в валюте и ставках.

Я свернула в проулок. Дома здесь стояли вплотную, разделяемые лишь узкими щелями, откуда дуло сквозняком. На третьем здании слева висела табличка: «Сдается. Ключ у хозяина. Спросить у Тобена». Дверь была массивной, дубовой,

с железными скобами. Я постучала. Три раза. Ровно.

Открыл мужчина лет пятидесяти, коренастый, с фартуком, испачканным чем-то темным. Глаза цепкие.

— Чего? — Взгляд скользнул по платью, сумке, лицу. — Заблудилась, госпожа? Верхний квартал в другой стороне. Здесь не носят шелк.

— Это лен с примесью. Не мнется, выдерживает три стирки в щелоке. Я ищу комнату. На месяц. С оплатой вперед или рассрочкой, если есть условия.

Он хмыкнул, отступил, впуская в полутемные сени. Пахло сушеными травами и старым деревом.

— Комната на втором этаже. Окно во двор. Кровать, стол, стул, очаг. Вода из колодца. Пять серебряных в месяц. Или четыре, если принесешь дрова и не потребуешь тишины после полуночи. Здесь шумят.

— Четыре, — сказала я. — С оплатой за две недели вперед. И еще одно условие.

Он скрестил руки. — У меня нет условий. У меня есть аренда.

— Я вижу вашу книгу учета на прилавке, — кивнула я на толстую тетрадь. — Вы путаете поставщиков угля и зерна в графе «расходы». Переносите остатки из марта в апрель без корректировки на сезонность. И платите стражникам за охрану, которую они не оказывают с прошлого месяца. Вы теряете примерно тридцать процентов оборота. Не из-за воровства. Из-за ошибок ввода.

Тобен замер. Брови поползли вверх. Он посмотрел на тетрадь, потом на меня.

— Ты... разбираешься в книгах?

— Я бухгалтер. Земной. Там, где цифры лечат точнее заклиний. Дайте мне час. Я переписываю реестр, нахожу дыры, составляю график платежей. За это — комната за два с половиной серебра на первый месяц. И право пользоваться очагом без ограничений. Если через неделю мои расчеты не сойдутся с вашей кассой на десять процентов точнее — съезжаю без возврата аванса.

Он молчал долго. В коридоре скрипнула половица. Тобен вздохнул, провел рукой по лицу.

— Заходи. Если обманешь — вышвырну сам. Если нет... — махнул в сторону лестницы. — Второй этаж, последняя дверь. Ключ под ковриком. Не ломай мебель.

— Я не ломаю. Оптимизирую.

Комната была маленькой, но чистой. Узкая кровать, деревянный стол, камин из обожженной глины. Сквозь разошедшуюся раму тянуло сквозняком. Не катастрофа. Техническая неполадка. Устраняемая.

Я поставила сумку на стол. Достала балансир. Положила в центр. Латунь тускло блеснула.

Села. Открыла блокнот. Взяла перо.

«Адаптационный протокол. День первый. Локация: Нижний округ. Статус: автономный. Задачи: 1. Закрепить жилье. 2. Наладить базовый обмен. 3. Протестировать локальную

магическую экосистему. 4. Установить границы взаимодействия.»

Я отложила перо. Закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

На Земле магия была метафорой. Здесь — физика. Но не та, что в учебниках. Та, что жила в камне, в воздухе, в крови. Я чувствовала ее не как огонь или воду. Как систему. Таблицу, где каждая ячейка отвечает за функцию: тепло, движение, регенерация, расход, накопление. Маги этого мира работали по принципу «вливания». Устал? Влей свет. Рана? Влей силу. Они предполагали бесконечный источник.

Но источник не бесконечен. Когда льют в треснувший сосуд, он не наполняется. Он лопается.

Я встала. Подошла к камину. Сложила щепки. Чиркнула огнивом. Пламя вспыхнуло, жадное. Тепло пошло вверх, но часть утекала в щели. Я не стала затыкать их тряпками. Представила поток. Визуализировала графы. Вход: +5. Выход через щель: -3. Остаток в комнате: +2. Неэффективно.

Я встала напротив окна. Положила ладони на подоконник. Закрыла глаза. Не заклинание. Настройка. Я не создавала тепло. Я перераспределяла его. Нашла избыток у очага. Мысленно «сдвинула» графу. Перенаправила часть потока вдоль стены, вниз, к полу, где холод скапливался в плотный слой.

Воздух перестал быть ледяным. Стал прохладным, но ровным. Пламя горело без рывков.

На лбу выступила испарина. Сердце билось чуть быстрее. Не усталость. Нагрузка. Как после трехчасового закрытия

квартала.

Я села на пол, прислонилась спиной к холодной стене печи. Положила ладони на каменный под. Закрыла глаза. Попыталась поймать ритм.

Но внутри все сжалось. Завтра — Гильдия. Завтра — проверка. Завтра — снова «недостаточно».

Дыхание сбилось. Грудная клетка стала тесной. Я инстинктивно попыталась «собрать» частоту, загнать ее в рамки, заставить замолчать, чтобы не мешала думать.

Камень не откликнулся. Он дернулся и оттолкнулся. Как провод, в который подали ток наоборот.

Удар пришел не в голову. В локти. Пальцы онемели. В висках застучало. Вкус меди на языке. Я отдернула руки. Дрожь пошла по предплечьям.

— Ты опять глушишь, — голос Вейна прозвучал не из коридора. Он стоял на пороге, не входя. Смотрел не с упреком. С узнаванием.

— Я пытаюсь настроиться, — выдохнула я, растирая онемевшие пальцы. — Но частота рвется.

— Она не рвется. Она отражает тебя, — он шагнул ближе, сел на табурет напротив. Положил на стол два камня: гладкий речной и шершавый базальтовый. — Запомни три вещи, Арина. Или книга, которую ты пишешь в голове, никогда не сойдется.

Я подняла взгляд.

— Первое: магия не подчиняется воле. Она отвечает на

резонанс. Если твой внутренний счет закрыт страхом, узел не услышит приглашение. Он услышит приказ. А приказы он не исполняет. Он блокируется.

— А когда я зажимаюсь? — я посмотрела на свои руки. Тремор не унимался.

— Второе: стресс превращает слушателя в цензора. Ты не слышишь узел. Ты его обнуляешь. Как делала с людьми. С собой. С цифрами.

— И цена?

— Третье, — Вейн кивнул на латунный балансир, лежащий у меня на коленях. — Каждая насильственная проводка берет налог. Не из магии. Из нервной системы. Онемение. Мигрень. Потеря тактильности. Ты не платишь силой. Ты платишь чувствительностью. Поэтому, когда счет качается — не тяни на себя. Заземляй. Камень. Пол. Дыхание. Пусть избыток уйдет в землю, а не в кости.

Я обхватила балансир. Латунь медленно впитала вибрацию. Пальцы ожили. Дыхание выровнялось.

— А если узел не спит? — спросила я тихо. — Если он не ждет признания. Если он течет, как разорванная труба?

Вейн замер. Впервые за все время в его спокойствии появилась трещина. Осторожность.

— Есть исключение, — сказал он. — Четвертое правило. Большинство узлов просят присутствия. Некоторые просят перенаправления. Когда поток отравлен, когда трещина активна, когда время вышло... слушать мало. Ты не просто

держишь пространство. Ты становишься мостом. Ты вручную перекрываешь вентиль и открываешь новый канал. Это не принятие. Это архитектура.

Он посмотрел мне в глаза.

— И это стоит втрое дороже. Ты готова не просто слышать? Ты готова брать на себя чужую боль, чтобы дать ей русло?

Я посмотрела на балансир. На свои руки. На окно, за которым начинало светать.

— Я аудитор, — ответила я. — Я не просто фиксирую ошибки. Я закрываю проводки. Даже если они горят.

Я положила руку на балансир. Латунь приняла избыточную вибрацию, как громоотвод. Стабильность восстановилась.

Снаружи стемнело. Дождь усилился. Я зажгла свечу. Открыла тетрадь Тобена. Нашла ошибку. Графа 47: «Уголь». Сумма: 120 серебряных. В графе 52, «Зерно», стояла та же дата, та же сумма, тот же почерк. Двойная проводка.

Я вывела линию. Перенесла сумму в графу: «Неподтвержденные расходы». Итог за месяц сократился на 11%. Тобен не знал, что теряет. Или не хотел видеть. Люди часто путают усталость с нормой.

Дверь распахнулась не от ветра. Ее выбили плечом.

В комнату, запнувшись о порог, ввалились двое. Третий был их скорбной ношей, телом, лишенным воли, тяжелым,

как земля. Плащ на нем истлел по краям, рубаха напилалась не кровью, а чем-то гуще и зловещее — маслянистой тьмой, что шипела, касаясь дерева, словно недовольная живая влага. Вены на шее взбухли траурным рисунком, почернели и жили своей рваной, пульсирующей жизнью. Дыхание было частым и хриплым, а под сомкнутыми веками блуждали тени сновидений.

— Лекари лишь руками развели, — выдохнул один из мужчин, с бесконечной нежностью воина укладывая тело на столешницу. — Там «Пожиратель». Магический паразит. Живет не в плоти, а в резонансе. Жрет резерв под корень, переплавляя в энтропию. Вольем еще хотя бы каплю эфира — и сердце захлебнется, встанет навеки.

Я приблизилась. Без вопросов. Без оглядки на страх, кольнувший сердце.

В голове что-то мягко сошлось, будто паз коснулся паза. Не жестокая арифметика, а безмолвное ясновидение баланса.

Приход: коррозионный поток, жадно пьющий свет. Скорость поглощения — запредельная. Расход: сердечная мышца, дрожащая от натуги, нервные пути, последние крохи гликогена. Итог — бездна. Времени до того, как внутреннее солнце погаснет — едва ли сорок минут.

Я медленно стянула перчатки. Ладони опустила ему на грудь. Ткань оказалась ледяной, почти замшевой от пропи-

тавшей её сырости. Под ней испуганной птицей билось сердце — неровно, сбивчиво, угасая.

Обычные целители, творя милость, вливались светом. Я не вливала. Я искала спрятанную сердцевину мрака, узел.

Паразит угнезвился не в алой крови. Он дрожал в самой частоте жизни, в тихой мелодии тела. Питался не грубой плотью, а эхом древнего резонанса. Влить сюда еще света — все равно что плеснуть живую воду в кипящую кислоту. Реакция лишь ускорится, пожрав и донора, и жертву.

Я прикрыла глаза. Дыхание выровняла. Перестала быть человеком, стала проводником, чистым инструментом. Нащупать избыток. Перенаправить. Обесточить ловушку.

Мысленно, с молитвенной осторожностью, протянула серебряную нить моста: от сжавшегося в комок паразита → сквозь мою раскрытую ладонь → в древний, терпеливый камень пола. Заземление. Возвращение тени земле.

Темная, маслянистая субстанция внутри него вздрогнула, повинувшись новому зову. Потекла не в сердце, не вглубь, а иначе — к краю, к руке, к точке нашего соприкосновения. Я не впитывала этот яд, я лишь указывала ему путь, как громоотвод указывает путь молнии, принимая её гнев на себя.

В тот же миг в виски плеснуло глухой болью. Нос заложило горькой изморозью, пальцы онемели, а затем забились мелкой, незримой дрожью. Медный вкус защекотал язык —

я слишком нетерпеливо перетянула частоту, и равновесие покачнулось.

Я сделала резкий, судорожный вдох и стиснула в кармане латунный балансир. Верный металл с тихим стоном принял удар на себя, поглотил лишнюю вибрацию, оставив в теле лишь отголосок, легкое, текучее жжение. Корректировка принята.

Не вырывать силой, но мягко освобождать. Перенаправить. Еще один круг, еще одно бережное касание воли. Черная жижа, словно прирученная змея, заскользила вниз, к полу. Камень под ногами ответил тихим дымным вздохом. Дариан содрогнулся всем телом и обмяк — не страдальчески, а устало, освобожденно. Вены, стянутые трауром, начали светлеть. Не сразу, но верно, как тает иней на рассветном стекле. Дыхание становилось глубже, тише, обретая утраченный ритм.

Я отняла руки. Колени подогнулись, пришлось опереться о край стола, чтобы не соскользнуть в туман. Виски еще горели призрачным огнем, из носа сбегала алая, почти невесомая струйка. Но счет сошелся. Тьма уравнилась.

— Готово, — выдохнула я, и в голосе, охрипшем до шепота, слышалось скорее тихое удивление, чем гордость.

Дариан открыл глаза.

Не резко, не в испуге — а так, будто возвращался с большой глубины, где темно и тихо, и лишь на самом дне бьётся

слабый, упрямый свет. Глаза тёмные, глубокие, как старая вода в колодце. Усталые до дна. Но ясные. Живые.

Лекарь в синем халате, всё это время жавшийся у двери, попятился к стене так поспешно, что лопатками сбил штукатурку.

— Что ты... что ты сделала? — голос его сорвался в шёпот, почти в мольбу. — Трое магов Высшего Круга не смогли. Трое. Они только ускорили бы смерть, а ты...

Он осёкся, не в силах выговорить слово «исцелила», потому что это было бы неправдой.

— Они лечили симптомы, — я вытерла кровь с губы тыльной стороной ладони. Движение вышло скупым, почти механическим, но пальцы ещё подрагивали. — Я закрыла дыру. Это разные ведомости.

Мужчины, что принесли тело, выскользнули за дверь — без слов, без взглядов, словно боялись задержаться в комнате, где только что переписали чью-то смерть. Остались только мы. Свечи трещали с утроенной громкостью — каждая капля воска падала, как шаг в тишине. Воздух сгустился, стал почти осязаемым: пахло озоном, медью, сырым камнем и чем-то ещё — тем, что остаётся после правильно сведённого баланса.

Дариан медленно сел. Позвонки хрустнули по очереди, будто клавиши. Свёл плечи — проверяя, слушается ли тело.

Прижал два пальца к запястью. Пульс. Взгляд его медленно поднялся на меня, и в нём читалось не благодарность, а осознание. Тяжёлое, отрезвляющее, как ледяная вода за шиворот.

— Ты не представляешь, во что вляпалась, Арина, — голос его прозвучал глухо, словно из-под земли. — То, что ты сделала... это не магия. Это...

Он замолчал, подбирая слово, и тишина в комнате стала ватной, вязкой.

— Бухгалтерия, — оборвала я. Слово упало, как монета на прилавок. — Ты был в минусе. Я вывела сальдо в ноль. Не благодари. У меня условия.

Он замер. Даже дыхание, кажется, приостановилось. А потом медленно, очень медленно кивнул. В этом кивке не было покорности — только трезвое понимание цены.

— Слушаю.

Я не стала смягчать. Не время. Не место.

— Первое: я не служанка. Не талисман. Не «удобная вещь», которую можно вытащить из кармана, когда у вас очередная магическая недостача. Второе: работаю за результат. Нарушите контракт — закрою доступ к потокам. Навсегда. Не прикрою. Не ослаблю. Закрою. Третье: решения принимаем совместно. Никаких «я решаю за тебя», никаких благо-

родных умолчаний. Я должна видеть баланс целиком. Без купюр.

Он выслушал, не перебивая. А потом достал из-за пазухи свиток — пожелтевший, перевязанный суровой нитью, явно ждавший своего часа не первый месяц. Развернул. Текст уже был там, выведенный магией, — ровные строки, оставлявшие внизу пустоты, будто разомкнутые объятия. Ждали только имён.

— Принято, — сказал он. — Добавлю одно: если я умру раньше — забираешь мой архив. Там всё, что не успел сказать. И всё, что не успел сделать.

Я взяла перо. Окунула в чернильницу. Чернила пахли солью и ржавчиной. Кончик пера скрипнул по пергаменту — звук острый, как разрез. Я подписала.

Дариан прижал большой палец к чернилам, потом — к свитку, рядом с моим именем. Капля крови сорвалась с подушечки, впилась в пергамент мгновенно, словно в сухую землю. Пергамент дрогнул — не от сквозняка, не от дыхания. От признания. Тонкая, едва видимая золотистая нить прошила пространство между нашими именами, вспыхнула на долю секунды и погасла. Не связь — отметка. Контракт вступил в силу. Я почувствовала это кожей: будто кто-то неслышно закрыл дверь, отрезав прошлое.

— Завтра на рассвете, — сказал он, поднимаясь. Движения его ещё отдавали ломотой, но плечи уже держали прямую. — Идём к Вратам Гильдии. Там будет испытание. По-

лигон. Барьеры. И... — он помедлил ровно на один удар сердца. — Твой бывший муж. Он курирует отбор.

Внутри всё сжалось. Но не в страх. Не в панику. В холодную, кристальную ясность — ту самую, что приходит, когда видишь ошибку в балансе и точно знаешь, как её исправить. Каждая цифра в голове встала на место. Дебет. Кредит. Итог.

— Пусть приходит, — сказала я. Голос прозвучал ровно, но в нём звенел лёд. — Давно не видела его отчётов. Пора сверить цифры.

Двери за ним закрылись с глухим, вязким стуком. Я осталась одна. Свеча оплыла до основания, язычок пламени задрожал, затанцевал на сквозняке, отбрасывая на стены ломкие тени. В кармане лежал латунный балансир — тёплый от моего тела, всё ещё хранящий отголосок принятого удара. В груди билось сердце. Ровно. Спокойно. Счёт сходился.

Я села за стол. Открыла блокнот. Взяла перо. И начала писать план на завтра. Тобен дал мне два дня на обустройство. Я использовала их, чтобы изучить квартал и подготовиться к Гильдии.

От автора:

*Дорогие читатели, благодарю за ПОДПИСКУ и ЛАЙКИ!
Они очень вдохновляют!*

ГЛАВА 3 Врата и печать

Утро в Нижнем округе пахло печеным хлебом, мокрой землей и чем-то неуловимо свежим, словно сама ночь смыла с камней вчерашнюю усталость. Я сидела у окна, закинув ноги на стул, и наблюдала, как город просыпается. Торгашки выставляли корзины с яблоками и травами, куры важно шагали по мостовой, где-то вдалеке звенели колокольчики запряженных повозок. Обычная жизнь. Простая. Живая. И именно такая мне теперь подходила.

Дверь отворилась без стука. Дариан вошел слишком тихо для человека его роста. Плащ на нем был уже сухой, застегнут на все пуговицы, сапоги начищены до блеска, который в Нижнем округе считался почти неприличным. Он выглядел лучше, чем вчера. Цвет вернулся на щеки, в глазах исчезла та тяжелая дымка, что застилала их, когда он лежал на столе у Арины. Но в походке все еще читалась осторожность. Человек, которого недавно вытащили с того света, не бежит марафоны. Он учится дышать заново.

— Ты встала до рассвета, — заметил он, прислоняясь к косяку. Голос звучал ровно, но с легкой насмешкой. — Бухгалтеры и в другом мире не спят?

— Бухгалтеры спят, когда закрывают отчет, — не отрываясь от окна, ответила я. — А я еще не закрыла. Пока только сверяю маршруты.

Он хмыкнул, прошел к столу, взял яблоко из миски, которую Тобен оставил нам «в знак благодарности за спасенную кассу». Хрустнул. Сок брызнул на пальцы. Он облизнул их с невозмутимым видом человека, который привык есть что попало и когда попало.

— Маршрут прост, — сказал он. — Выходим через южную арку. Идем по улице Ремесленников до площади Фонарей. Поворачиваем к Гильдии. Занимает двадцать минут. Если не задержимся смотреть на витрины.

— Я не смотрю на витрины, — повернулась я к нему. — Я смотрю на людей. Они рассказывают больше, чем вывески.

Дариан замер. Яблоко зависло в полусотни сантиметрах от его рта. Потом он медленно опустил руку, и в уголках его глаз дрогнула улыбка. Не та, что появляется от вежливости. Та, что рождается от внезапного понимания.

— Ты опасная женщина, Арина, — сказал он тихо. — Не потому, что магия в тебе. А потому что ты видишь то, что другие стараются не замечать.

— Я не опасная, — ответила я, поднимаясь. Поправила юбку, проверила, крепко ли завязаны шнурки на ботинках. Удобная обувь — мой маленький ритуал перед любым важным днем. — Я просто честная. С собой и с другими.

— Честность в нашем мире — редкий товар, — он протянул руку. — Пошли? Гильдия не любит опозданий. А магистры любят еще меньше — когда их правила ломают.

Я посмотрела на его ладонь. Широкая, со шрамами на

костяшках, с мозолями от оружия и перьев. Не нежная. Не аристократичная. Но надежная. Я вложила свою руку в его. Пальцы сомкнулись. Тепло прошло по коже, как первый луч солнца после долгой зимы. Не магия. Просто прикосновение. Но от него внутри что-то дрогнуло и расправило крылья.

— Ведите, куратор, — сказала я. — Но, если меня заставят кланяться в три пояса — я разворачиваюсь и иду домой пить чай.

— Чай я тоже не люблю, — он открыл дверь. — Зато знаю, где в квартале пекут самые мягкие булочки с корицей. Если выживем после Гильдии — угостим Тобена.

— Справедливо, — улыбнулась я. — Он заслужил.

Мы вышли на улицу. Воздух был прохладным, но уже не сырым. Солнце пробивалось сквозь тучи, раскрашивая мостовые в золотисто-серые тона. Город просыпался окончательно. И я шла по нему не как гостья. Не как изгнанница. Как та, кто наконец нашла свое место в расписании.

Дорога к Гильдии была короткой, но насыщенной. Нижний округ уступил место Среднему кольцу, где дома становились выше, а улицы — шире. Здесь уже не пахло дегтем и луком. Здесь пахло ладаном, старым деревом, пергаментом и чем-то неуловимо сладким, словно воздух сам был пропитан магией. Маги в синих и белых мантиях спешили по своим делам, подмастерья тащили свертки с травами и кристалла-

ми, стражники в начищенных доспехах чинно стояли у перекрестков. Порядок. Дисциплина. Иерархия. Все то, что я оставила за спиной три дня назад. И все то, что теперь должно было принять меня.

— Ты не волнуйся — сказал Дариан, когда мы миновали последние ворота Среднего кольца. — Там будут смотреть, — продолжил он, когда Гильдия показалась впереди. Белые стены, арки, увитые плющом, высокие окна с витражами, на которых были изображены древние целители, протягивающие руки к свету. — Будут оценивать. Сравнить. Делить на «своих» и «чужих». Не обращай внимания. Кристалл не спрашивает, откуда ты родом. Он спрашивает, что ты несешь.

Я посмотрела на него. На шрам на скуле, на упрямый подбородок, на глаза, в которых давно перестали жить иллюзии, но не перестала жить надежда. И вдруг поняла: я не боюсь. Потому что впервые за долгое время я не одна. И не должна притворяться кем-то другим.

— Спасибо, — сказала я тихо.

— Не благодари, — он усмехнулся. — Еще не выжили.

Мы подошли к главным вратам. Они были открыты. Внутрь, в просторном внутреннем дворе, уже собиралась толпа. Юноши и девушки в простых одеждах, несколько взрослых мужчин с напряженными лицами, пара женщин в дорожных плащах. Все они ждали. Все они пришли за одним: за статусом, за признанием, за правом носить мантию целителя или

архитектора потоков. Магия здесь была профессией. И испытание — пропуском в нее.

На возвышении у центральной арки стоял стол с большим кристаллом. Он был прозрачным, с легкой дымкой внутри, словно в нем застыл утренний туман. Рядом сидели трое магов в белых мантиях с серебряной каймой. Лица строгие. Взгляды оценивающие. В центре — мужчина с острым носом и седыми висками. Магистр Вейн. Тот самый, чье имя шепотом произносили в коридорах Аэтель-Хольда, когда хотели напугать новичка.

Дариан кивнул в его сторону.

— Он ведет отбор. Строг. Справедлив. Но не гибок. Если кристалл загорится — пройдешь. Если нет — уйдешь. Без объяснений.

— А если он загорится не так? — спросила я.

Дариан помедлил.

— Тогда... начнется самое интересное.

Мы встали в очередь, и мир сузился до этого предрассветного коридора — каменного, гулкового, пропахшего старым воском и чужим волнением. Время потекло неспешно, но не томительно — скорее, как густой мёд, давая всё разглядеть, впитать, прочувствовать.

Я наблюдала. Парень передо мной, совсем юный, сжимал кулаки, пытаясь унять дрожь в пальцах, — и я видела эту дрожь, как видят рябь на воде, предвестник шторма в одной-единственной душе. Женщина слева, с проседью в воло-

сах, беззвучно шептала молитву — слова сплетались в тонкую серебристую нить, уходящую куда-то вверх, к равнодушному каменному своду. Мальчишка, почти подросток, старательно хмурил брови, но пальцы его нервно теребили край плаща, выдавая уязвимость, которую он так отчаянно прятал. Все они, все мы, хотели одного и того же, до дрожи, до звона в ушах: быть увиденными. Принятыми. Названными «своими». Я хотела того же — но не ради статуса, не ради строки в гильдейском реестре. Я хотела права быть собой. Без извинений. Без вечных оговорок. Чтобы мой дар не считали ошибкой, а мой путь — отклонением.

— Следующая, — голос магистра Вейна разрезал тишину ровно, без единой эмоции, как лезвие, опускающееся на весы.

Я шагнула вперёд. Пол был холодным даже сквозь подошву — или это холод поднимался изнутри? Дариан остался у края площадки, в тени колонны. Его взгляд коснулся меня — не давящий, не требовательный. Поддерживающий. Как тёплая рука на плече, которую не нужно чувствовать кожей. Я кивнула ему, и в этом коротком движении вместились всё: благодарность, обещание, спокойная уверенность. Затем подошла к столу и положила ладонь на кристалл.

Он был тёплым. Не обжигал, не охлаждал — просто отзывался живым теплом, словно долго ждал именно эту ладонь. Я закрыла глаза. Не стала напрягаться. Не стала звать силу — ни тетивой, ни натянутым нервом, ни заклинанием. Просто

позволила себе быть. Как тогда, с Дарианом, когда искала не свет, а равновесие. Не вливать. Не требовать. Просто... ослабиться. Дать себе разрешение занять своё место в этом мире.

И кристалл откликнулся.

Сначала — тишина внутри меня, глубокая, как вдох перед прыжком. Затем под ладонью родилась лёгкая вибрация — не дрожь, не страх, а словно далёкая музыка, которую слышишь не ушами, а костями. А потом пришёл свет. Не золотой, как у целителей, льющих жизненную силу. Не синий, как у архитекторов, плетущих каркасы реальности. Не красный, как у боевых магов, в чьих жилах плавится ярость. Серебристо-серый. Мягкий, как лунная дорожка на воде. Рассеянный, как свет звёзд, пробивающийся сквозь облака. Он лился из кристалла, заполняя пространство, и в нём не было агрессии — только тихое, древнее узнавание.

И вдруг — трещина. Тонкая, как человеческий волос, она побежала от центра кристалла к краю, и вместе с ней по толпе пробежал вздох — острый, коллективный, полный ужаса. Кто-то ахнул, кто-то отшатнулся. Магистр Вейн подался вперёд, и его бесстрастное лицо исказилось тревогой.

— Не вливай! — крикнул он резко, и в голосе зазвенел металл. — Он перегружен! Остановись!

Но я не вливала. Мои губы чуть тронула спокойная полуулыбка, а внутренний взор уже раскрылся, как бухгалтерская книга под невидимыми пальцами. Я «увидела» перекося — не

как картинку, а как знание, точное и неумолимое: семьдесят процентов энергии клокотало в верхней грани, раскаляя её добела, и лишь пять процентов тлело в нижней, брошенной, почти погасшей. Дисбаланс. Неравенство. Разрыв, готовый разорвать камень.

И тогда я дышала — не силой, а намерением. Не толкала, не давила, а тихо, словно поправляя съехавшую шаль, перенаправила поток. Энергия послушалась, потекла мягко, как вода, находящая свой уровень. Трещина замерла на полпути, будто прислушиваясь. Я перенаправила ещё — бережно, с любовью к самому понятию равновесия. И трещина закрылась. Не затянулась грубым шрамом, а исчезла вовсе, растворилась, как след на песке под волной.

Кристалл засветился ровно, серебристо — чистое, прозрачное сияние, от которого в груди разлилось щемящее чувство правильности. Я открыла глаза. Вокруг стояла тишина, густая, словно мир затаил дыхание. Магистр Вейн выдохнул — шумно, с присвистом, будто сам только что вынырнул из глубины. И тихо, почти шёпотом, произнёс слова, упавшие в эту тишину раскалёнными монетами:

— Хранители... они вернулись.

В его голосе звенело не просто удивление. Там была память о чём-то давно утраченном, благоговейный страх и — хрупкая, недоверчивая надежда, какой не ожидаешь услышать от сухого магистра. Я стояла, всё ещё касаясь кристалла кончиками пальцев, и чувствовала, как внутри меня распус-

кается тёплый цветок: не гордость, не триумф, а спокойное, глубокое осознание. Меня увидели. Мой баланс сошёлся. И где-то на краю зрения Дариан улыбался — той самой улыбкой, которой улыбаются люди, давно переставшие верить в чудо и вдруг обнаружившие его у себя на пороге.

Вейн не дал мне убрать руку. Его пальцы, холодные и сухие, накрыли мои.

— Не двигайся, — прошептал он предостерегающе.

В зале повисла тишина, густая, как перед грозой. Потом шепот перерос в гул. Трое магистров в белых мантиях с серебряной каймой поднялись с возвышения. Не аплодируя. Оценивая. Как хищники, которые увидели добычу, но не уверены, ядовита ли она.

— Архивариусы, — голос Вейна прорезал гул. — Линия Хранителей сожжена три века назад. Ее нет в реестрах. Ее нет в мире.

— Она здесь, — парировал магистр с острым лицом, чья мантия была расшита рунами защиты. — И она только что расколола Кристалл Истины. Это не талант, Вейн. Это аномалия. Нестабильная. Непредсказуемая.

— Это не раскол, — я наконец убрала руку. Кристалл замер, серебристо-серый, ровный. — Это перераспределение. Поток шел в верхнюю грань, создавая перегруз. Я просто перевела его в нижнюю. Баланс восстановлен.

Магистр с рунами усмехнулся.

— Бухгалтерия в магии? Девочка, ты играла с огнем, ко-

торый не понимаешь. Гильдия не может допустить в свои ряды того, кто ломает протоколы. Она должна быть изолирована. До выяснения причин.

— Изолирована? — Вейн шагнул вперед, закрывая меня собой от взглядов Совета. — Вы хотите посадить в камеру ту, кто единственный за сто лет смог стабилизировать поток без вливания силы? Сеть трещит, коллеги. Барьеры падают. Мы льем энергию в дыры, которые не закрываются. А она... — он кивнул на меня. — Она не льет. Она чинит.

— Она — риск, — возразила женщина-магистр, чей голос звучал как скрежет металла. — Мы не знаем, что она такое. Если она сорвется во время испытания на полигоне, она может обрушить весь Средний круг. Изоляция. Сейчас.

В зале стало тихо. Я чувствовала их частоты. Не злые. Испуганные. Они боялись не меня. Они боялись перемен. Боялись, что их мир, построенный на контроле и вливании, рухнет, если появится кто-то, кто умеет просто быть.

Вейн повернулся к Совету.

— Голосование. Изолировать объект «Арина» до окончания цикла или допустить к испытанию в Лабиринте Эха под наблюдением.

Трое подняли руки. За изоляцию.

Вейн поднял руку. Против.

Дариан, который стоял у края площадки, сделал шаг вперед. Его частота была ровной, стальной.

— Я беру ответственность, — сказал он. Голос не дрог-

нул. — Если она сорвется — я закрою пробой своим телом. Если она разрушит полигон — я отвечу головой. Но она не сорвется.

Двое магистров переглянулись. Потом один медленно поднял руку. За допуск. Потом второй.

— Четверо против трех, — констатировал Вейн. Голос стал тише, но в нем появилась та самая сталь, которую я слышала в его кабинете. — Решение принято. Объект не изолируется. Но и не остается свободной.

Он повернулся ко мне. Взгляд был тяжелым.

— Арина. Ты проходишь испытание в Лабиринте Эха. Завтра. На рассвете. Но ты не будешь одна.

Он кивнул на Дариана.

— Куратор Теней Дариан назначается твоим официальным куратором. Он будет контролировать каждое твоё движение. Каждое касание к потоку. Если ты отклонишься от протокола хоть на градус — он имеет право прервать испытание силой. Поняла?

Я посмотрела на Дариана. Он не смотрел на Вейна. Он смотрел на меня. В его глазах не было приказа. Было обещание. Я не дам им тебя сломать.

— Поняла, — ответила я.

— Тогда идите, — Вейн махнул рукой. — Готовьтесь. И не вздумайте хвастаться. Это не победа. Это испытание.

Мы вышли в боковой коридор. Дверь за нами закрылась, отрезая гул зала. Я прислонилась к стене. Сердце стучало

слишком быстро. Не от страха. От адреналина. Я только что прошла через мясорубку бюрократии и выжила.

Дариан стоял рядом. Не расслабленно. Напряженно. Как струна.

— «Контролировать каждое движение», — процитировала я тихо.

— Официально — да, — он повернулся ко мне. В его глазах мелькнула усмешка. Тихая. Теплая. — Неофициально... я просто буду рядом. Чтобы никто не посмел прервать.

— Даже Вейн?

— Даже Вейн, — он протянул руку. Не локоть. Ладонь. — Пошли? Ты обещала, что не убежишь сразу после испытания. А я обещал угостить тебя булочками, если мы выживем.

Я посмотрела на его ладонь. Шрамы. Мозоли. И вложила свою руку в его.

— Пошли, — сказала я. — Но если булочки будут черствыми — я пересчитаю твои запасы провизии.

Дариан рассмеялся. Звук был низким, живым. И впервые за все время я поняла: я не одна. У меня есть не только контракт. У меня есть союзник

Мы вышли в боковой коридор, где было тихо и прохладно. Стены были увешаны гобеленами с изображениями древних битв и исцелений. Пол был выложен мозаикой, изображающей переплетающиеся корни и звезды. Воздух пах воском и старой бумагой. Я остановилась, прислонилась к стене.

Сердце все еще стучало слишком быстро. Но не от страха. От освобождения.

— Ты напугала магистров, — Дариан стоял рядом, скрепив руки на груди. В его голосе звучала та самая насмешка, но теперь она была мягкой. Как плед в дождливый вечер.

— Я их не пугала, — ответила я. — Я их удивила. Разница большая.

— В Гильдии удивление часто заканчивается страхом, — он повернулся ко мне. Шагнул ближе. Не нависая. Просто сократил расстояние. — А страх рождает правила. Правила — стены. Стены — тюрьмы. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — я посмотрела на него. — Поэтому не собираюсь строить стены. Я собираюсь открывать двери.

Он усмехнулся. Тихо. Беззлобно. — Ты невозможная, Арина.

— Я просто честная, — повторила я. И вдруг улыбнулась. По-настоящему. Без оговорок. Без осторожности. — И еще я голодная. Ты обещал булочки с корицей.

Дариан рассмеялся. Звук был низким, теплым, как мед, разведенный в чае. Он подал руку. Не локоть. Ладонь. Я вложила в нее свою. Пальцы сомкнулись. И на этот раз я не отпустила сразу.

— После Гильдии, — сказал он. — Сначала нужно пережить завтра. Полигон — не прогулка по кварталу. Там это повторяет страхи. Там иллюзии становятся почти реальными. Там магия не слушает. Там она проверяет.

— Я не боюсь иллюзий, — ответила я. — Я боюсь только одного: что мне придется снова притворяться.

— Не придется, — он сжал мою ладонь. Чуть крепче. Нежно. — Я рядом. И я не дам тебе исчезнуть. Даже если захочешь.

Я посмотрела на него. На его лицо. На шрам, на глаза, на губы, которые чуть дрогнули, когда он произнес последнее слово. И вдруг поняла: между нами уже нет контракта. Есть выбор. И я его сделала. Не вчера. Не сегодня. В тот момент, когда позволила себе быть увиденной.

— Дариан, — сказала я тихо. — Спасибо.

— Не благодари, — он усмехнулся, но глаза остались серьезными. — Еще не выжили.

Он рассмеялся снова. И на этот раз я смеялась вместе с ним. Не громко. Не показно. Просто потому что внутри стало светло. И тепло. И легко.

Мы вышли из Гильдии, когда солнце уже стояло высоко. Нижний округ встретил нас запахом жареного лука и смехом детей. Дариан провел меня до двери Тобена, остановился на ступеньках.

— Завтра в рассвет, — сказал он. — Я заберу тебя. Не опаздывай. Полигон не ждет. Если завтра будет тяжело... — он помедлил. — Кричи. Я услышу. Даже через эхо.

Он усмехнулся. И ушел. Плащ взметнулся, как крыло. И растворился в толпе.

Я вошла в дом. Поднялась на второй этаж. Закрыла дверь. Села за стол. Открыла блокнот. Взяла перо. И написала всего одно предложение:

«Завтра я не буду доказывать, что достойна. Я просто буду собой. А этого хватит.»

Свеча горела ровно. Дождь не шел. В кармане лежал латунный балансир. В груди билось сердце. В голове не было страха. Только тишина. И уверенность.

Я легла спать. Не как изгнанница. Не как попаданка. Как Арина. Та, кто наконец нашла свое место в расписании.

Утро на полигоне было холодным и ясным. Небо — безоблачным. Воздух — острым, как лезвие. Лабиринт Эха ждал. Каменные стены, высокие, до самого неба, покрытые мхом и древними символами. Тропинки расходились веером, исчезая в тумане. В центре — площадка, где уже стояли маги, судьи, зрители. Вейн сидел на возвышении. Лицо каменное. Взгляд — оценивающий. Рядом с ним — еще один. В темной мантии с серебряным драконом на плече.

Валериан.

Мое дыхание на секунду сбилось. Но я не остановилась. Не сжалась. Не опустила глаз. Я шла прямо. По каменной дорожке. По мху. По эху, которое уже начинало шептать мне на ухо голоса прошлого.

«Ты не вписываешься. Ты не подходишь. Ты слишком... много.»

Я не ответила. Я просто шла.

Дариан ждал у входа в лабиринт. Он был в полной форме. Плащ застегнут. Меч на бедре. Лицо серьезное. Но когда я подошла, его глаза смягчились.

— Готов? — спросила я.

— Всегда, — он протянул руку. Я взялась. Не для поддержки. Для связи. — Помни: эхо повторяет только то, чему ты веришь. Не верь страху. Верь себе.

— Я верю, — ответила я. — В себя. И в тебя.

Он кивнул. Отступил. Дверь в лабиринт открылась. Туман втянул меня внутрь. Стены сомкнулись. Эхо зашептало.

Но я не испугалась. Потому что внутри меня уже не было пустоты. Было место. И я его заполнила. Не магией. Не статусом. Не местью.

Собой.

И лабиринт это почувствовал.

ГЛАВА 4 Эхо, которое учит слышать

Туман в Лабиринте Эха не был холодным. Он был живым. Он обнимал плечи, скользил по волосам, шептал на языке, который я еще не знала, но уже понимала. Камни под ногами были гладкими, покрытыми мхом и древними узорами, которые медленно меняли форму, стоило мне перевести взгляд. Стены не давили. Они дышали. То сужались, то расширялись, словно легкие огромного, спящего зверя. Воздух пах дождем, старой древесиной и чем-то неуловимо сладким, как мед, настоящий на лунном свете.

Я сделала первый шаг. Потом второй. Не спеша. Не напрягаясь. Просто шла.

За спиной дверь сомкнулась беззвучно. Дариан остался за порогом. Я не оглядывалась. Не потому, что была равнодушна. А потому что знала: если обернусь сейчас, эхо превратит мою неуверенность в стену. А мне не нужны стены. Мне нужны ответы.

Шепот начался почти сразу. Сначала тихий, как шелест листьев. Потом громче. Голоса переплетались, накладывались друг на друга, искали зацепки.

«Она не из нашей крови. Она не знает наших правил. Она слишком... заметная. Слишком тихая. Слишком другая.»

Я остановилась. Закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

На Земле меня учили, что критика — это отражение страха говорящего. Здесь эхо не боялось. Оно просто повторяло. Как зеркало, которое не льстит и не судит. Оно показывает то, что ты боишься увидеть. И ждет, пока ты перестанешь прятать взгляд.

Я открыла глаза. Передо мной, в тумане, проступила фигура. Не человек. Зеркало. Огромное, в серебряной раме, увитой плющом. В нем отражалась я. Но не та, что шла по камням. Та, что сидела в углу бала в Аэтель-Хольде, сжимая бокал, стараясь занять меньше места. Та, что слышала шепот за спиной: *«посмотри на ее руки, на ее шаг, на то, как она смеется... не так, как принято. не как должна»*.

Зеркало дрогнуло. Туман сгустился. Голоса стали громче.

Я сделала шаг к нему. Не в страхе. В любопытстве.

— Ты хочешь, чтобы я испугалась? — спросила я тихо.
— Чтобы я убежала? Чтобы я снова начала извиняться за то, что занимаю место?

Зеркало молчало. Но шепот внутри него стал настойчивее.

Я протянула руку. Коснулась стекла. Оно было теплым. Живым. Я не стала отталкивать отражение. Не стала искать в нем недостатки. Я просто посмотрела. На свои глаза. На линию плеч. На рот, который умел улыбаться даже тогда, когда внутри было пусто. На руки, которые лечили, поддерживали, держали.

— Я не идеальна, — прошептала я. — И не должна быть. Я просто своя.

И внутри меня что-то дрогнуло. Не сломалось. Раскрылось. Как бутон, который долго ждал тепла. Я не стала бороться с эхом. Я его приняла. И оно отступило. Зеркало треснуло. Не со звоном. С легким вздохом. И превратилось в стаю серебристых бабочек, которые рассыпались по туману, оставляя за собой слабый, теплый свет.

Я улыбнулась. Пошла дальше.

Лабиринт не сдавался. Он менял тактику. Туман стал гуще. Камни под ногами начали слегка вибрировать. Воздух задрожал. И из стены выплыла... печать. Огромная, красная, с золотой каймой. На ней было написано одно слово: «*НЕДОСТАТОЧНО*».

Она зависла в воздухе, медленно вращаясь. Из нее потянулись нити, тонкие, как паутина, и начали обвивать мои запястья. Не больно. Но настойчиво. Словно мир хотел доказать, что я не прошла проверку. Что я не заслужила. Что мне нужно еще, еще, еще.

Я остановилась. Посмотрела на печать. Потом рассмеялась.

— Серьезно? — сказала я вслух. — Вы всерьез думаете, что меня напугает канцелярский штамп?

Печать дрогнула. Нити ослабли.

— Я три года сводила отчеты, где «недостаточно» писали

на каждом втором бланке, — продолжила я, делая шаг вперед. — И знаете, что я поняла? Ничего не бывает недостаточно. Бывает просто не вовремя. Или не там. Или не для тех.

Я подняла руку. Не для удара. Для жеста. Ладонь раскрылась. Пальцы слегка развелись. Я не стала звать силу. Я просто позволила себе быть легкой. Вспомнила, как мама учила меня печь пирог: не давить на тесто, а гладить его. Не торопить, а слушать.

Свет появился не из ниоткуда. Он возник изнутри. Мягкий. Теплый. Как первый луч солнца на подоконнике. Он коснулся нитей. Те не порвались. Они просто... расслабились. Развязались. И печать, потеряв напряжение, медленно опустилась на ладонь. Стала маленькой. Легкой. Как монетка. Я положила ее в карман.

— Спасибо за напоминание, — сказала я туману. — Но я больше не ношу чужие ярлыки.

Туман ответил тихим гулом. Не злым. Уважительным. Камни под ногами перестали вибрировать. Путь стал ровнее.

— Ты невозможная, — прозвучал голос. Не из тумана. Из глубины лабиринта. Дариан. Он не мог быть внутри. Правила запрещали. Но эхо передавало мысли. Или, может, я просто начала слышать то, что всегда было рядом.

— Я просто устала притворяться, — ответила я вслух. — Пошли дальше.

Поворот. Стены раздвинулись. Пространство стало шире. Воздух изменился. Стал тяжелее. Пах озоном, старым деревом и чем-то знакомым до боли.

Передо мной стоял он.

Валериан. Не тот, что сидел за обсидиановым столом с пером в руке. Не тот, что произносил слова как приговор. Тот, что смотрел на меня, когда думал, что я не вижу. Тот, что однажды принес мне чашку горячего чая после ночи, проведенной за пересчетом раненых. Тот, чьи глаза на секунду затуманились, когда я ушла.

Эхо не создавало монстра. Оно создавало человека. И это было сложнее.

— Арина, — он сказал. Голос был тихим. Настоящим. Без стали. Без приказов. — Ты ушла. Я не остановил тебя. Я не мог. Империя... долг... кровь... все требовало выбора. И я выбрал то, что от меня ждали.

Я смотрела на него. Не с обидой. Не с гневом. С тихим пониманием.

— Я знаю, — ответила я. — И не сужу. Ты сделал то, что считал правильным. Я сделала то, что считала честным. Мы не враги. Мы просто шли разными дорогами.

Он шагнул ближе. Туман обнимал его плечи, как мантия. — Ты не скучаешь? — спросил он. И в этом вопросе не было гордости. Была боль. Человеческая. Простая.

— Иногда, — призналась я. — Не по тебе. По тому, кем я была рядом с тобой. По той версии себя, что верила, что

если стараться достаточно сильно, тебя полюбят такой, какая ты есть. Но я выросла. И поняла: любовь не должна быть заслугой. Она должна быть даром. Или не быть вовсе.

Валериан опустил взгляд. На его лице дрогнула тень. Не раскаяние. Принятие. — Ты стала сильнее, — прошептал он.

— Я стала честнее, — поправила я. — Сила приходит, когда перестаешь врать себе.

Он кивнул. Медленно. Потом улыбнулся. Не той улыбкой, что дарил на балах. Той, что появляется, когда человек наконец выдыхает после долгого напряжения. — Иди, Арина. Лабиринт ждет. И... — он помедлил. — Если он даст тебе выбор... не выбирай меня. Выбери себя.

Эхо дрогнуло. Образ начал таять. Не резко. Мягко. Как туман под утренним солнцем. Перед тем как исчезнуть, он протянул руку. Не чтобы удержать. Чтобы коснуться. Я не отстранилась. Его пальцы прошли сквозь мои, оставив лишь тепло. И шепот: *«Прости»*.

— И ты прости, — ответила я. — Себя.

Образ растворился. Туман расступился. Путь стал светлее. Внутри меня не осталось тяжести. Только тихая, ясная грусть. Как после хорошей книги. Когда закрываешь последнюю страницу и знаешь: герои нашли свое место. И ты тоже.

Я сделала еще несколько шагов. Лабиринт менялся. Стены стали ниже. Воздух — легче. Но впереди, на перекрестке, земля треснула. Не от удара. От внутреннего напряжения.

Камни разошлись, обнажив темную, почти черную трещину. Из нее потянулся холод. Не зимний. Тот, что идет из глубины, где свет давно забыл, как выглядеть.

И из трещины поднялись тени. Не монстры. Не призраки. Просто формы. Словно кто-то нарисовал силуэты людей, но забыл вложить в них души. Они не атаковали. Они ждали. И их молчание было громче крика.

Я остановилась. Внутри екнуло. Не страх. Осторожность. Лабиринт не хотел сломать меня. Он хотел проверить: готова ли я доверять? Готова ли я принять помощь, когда сама не справлюсь? Готова ли я перестать нести все в одиночку?

Шаг из-за спины. Тяжелый. Уверенный. Нарушающий правила.

Дариан.

Он стоял на краю трещины. Плащ развевался, хотя ветра не было. Лицо серьезное. Глазы — темные, но ясные. Он не должен был быть здесь. Судьи запретили вход до окончания испытания. Но он пришел.

— Ты нарушаешь протокол, — сказала я. Голос прозвучал ровно, но внутри все дрогнуло.

— Знаю, — он шагнул ко мне. Не быстро. Не медленно. Так, как будто время само замедлилось, чтобы дать нам место. — Но некоторые правила созданы, чтобы их ломали. Если они мешают жить.

Он встал рядом. Не передо мной. Не за спиной. Рядом. И протянул руку.

— Эхо проверяет не силу, — сказал он тихо. — Проверяет доверие. Ты можешь идти одна. Но не обязана.

Я посмотрела на его ладонь. На шрамы. На мозоли. На линии, которые говорили о работе, о боли, о выживании. И поняла: я не хочу больше нести все в одиночку. Не потому что слаба. Потому что сильная — это не значит одинокая.

Я вложила свою руку в его. Пальцы сомкнулись. Тепло прошло по коже. Не вспышка. Не магия. Просто контакт. Живой. Настоящий.

И тени отступили.

Не растворились. Не исчезли. Просто... перестали быть угрозой. Они стали частью фона. Как деревья в лесу. Как камни у реки. Как люди, которые еще не нашли свой свет, но и не мешают идти тем, кто нашел.

Дариан не отпустил мою руку. Он сжал ее чуть крепче. Не для контроля. Для связи. — Ты не представляешь, как давно я ждал встречи с кем-то, кто не пытается меня спасти, — прошептал он. — А просто идет рядом.

— Я тоже, — ответила я. И вдруг улыбнулась. Не ради него. Ради себя. — Но давай не будем пафосными. У нас еще лабиринт пройти.

Он рассмеялся. Тихо. Тепло. И этот звук разогнал последние остатки холода.

Пол под ногами треснул. Внизу — не тьма, а кипящая светлая лава. Я отпрыгнула, но край платформы уже осыпал-

ся.

— Не двигайся! — крикнул Дариан из-за стены. — Это ловушка веса! Чем тяжелее ты думаешь, тем быстрее падаешь.

Я замерла. Мысленно «обнулила» таблицу. Убрала страх — минус 15 кг. Убрала сомнения — минус 10. Оставила только свое тело, свое дыхание.

Платформа перестала крошиться.

— Ты легкая, — усмехнулся Дариан. — Я знал.

Дальше мы пошли вместе. Не спеша. Не оглядываясь. Лабиринт больше не испытывал. Он провожал. Стены стали прозрачными, словно сделанными из матового стекла. За ними мелькали образы: не прошлое. Не страхи. Просто моменты. Смех детей. Запах хлеба. Дождь на крыше. Руки, которые держат. Глаза, которые смотрят. Жизнь. Простая. Обычная. Ценная.

Впереди показалась площадка. Круглая. Выложенная белым камнем. В центре — низкий постамент. На нем лежал не кристалл. Не свиток. Не меч. Просто камень. Гладкий. Темный. С легким узором, напоминающим переплетение корней.

Я подошла. Остановилась. Дариан отступил на шаг. Не

чтобы уйти. Чтобы дать мне место.

— Это финал, — сказал он. — Не испытание. Выбор. Камень хранит эхо всех, кто прошел. Ты можешь забрать часть. Оставить часть. Или... стать частью.

Я посмотрела на камень. Потом на свои руки. Вспомнила зеркало. Печать. Валериана. Тени. Его руку в своей. Вспомнила, как мама гладила меня по голове. Как брат смеялся над моими отчетами. Как кот фыркнул и убежал. Как Дариан сказал: *«Я услышу»*.

Я положила ладонь на камень. Он был теплым. Живым. Я просто открылась и позволила эху войти.

И внутри меня все запело.

Не громко. Не ярко. Тихо и гармонично. Камень дрогнул. Узор на нем засветился. Не огнем. Светом. Мягким. Рассеянным. Он прошел по моим рукам, по плечам, по груди, по лицу. Не жег. Не давил. Обнимал. Словно мир наконец признал: ты здесь. Ты своя. Ты нужна.

Камень расцвел. Из его поверхности потянулись тонкие, светлые нити. Они обвились вокруг постамента, поднялись вверх, сплелись в воздухе в узор, похожий на дерево с широкими ветвями. И из этого узора посыпался свет. Теплый, как солнце в конце зимы. Он коснулся стен. Те засияли. Коснулся пола. Тот зазвенел. Коснулся нас. И внутри меня все затихло.

Дариан смотрел на меня.

— Арина, — прошептал он. И в этом имени не было во-

проса. Было признание.

Я улыбнулась. Убрала руку. Свет медленно угас. Нити растворились. Камень стал просто камнем. Но воздух все еще гудел. Тихо. Ровно. Как сердце после долгого бега.

— Готова, — сказала я.

— Всегда, — ответил он.

Мы вышли из лабиринта, когда солнце уже стояло высоко. Дверь открылась без скрипа. Свет хлынул внутрь, ослепляющий, живой. Я зажмурилась на секунду. Потом открыла глаза.

Двор Гильдии был полон. Маги в мантиях, подмастерья, стражники, зрители. Все они смотрели. Не с любопытством. С затаенным дыханием. Вейн стоял на возвышении. Лицо бледное. Глаза расширенные. Рядом с ним — члены Комитета. Все молчали. Потому что слова были бы слишком маленькими для того, что только что произошло.

Валериан стоял у края площадки. Не в мантии судьи. В плаще командира. Но без доспехов. Без знака власти. Просто человек. Он смотрел на меня. Не с болью, а с тихим уважением. И кивнул. Едва заметно. Я ответила тем же.

Вейн спустился. Его шаги были тяжелыми. Он остановился передо мной. Посмотрел на мои руки. Потом в глаза.

— Лабиринт Эха не принимает, — сказал он. Голос дрожал. Не от страха. От изумления. — Он признает. И он признал тебя. Не как целителя. Не как архитектора. Как Храни-

тельницу. Та, кто не ломает, не чинит, а соединяет. Та, кто слушает мир, и мир слушает ее.

Он замолчал. Ветер прошелся по двору. Развеял пыль. Принес запах трав и далекого моря.

— Статус дарован, — продолжил он. — Без условий. Без ограничений. Без срока. Но с ответственностью. Ты больше не подчиняешься правилам. Ты создаешь пространство, где правила не нужны. Где магия не сила. А забота. Где люди не делятся на «своих» и «чужих». Где просто... есть.

Я кивнула. Не гордо. Не скромно. Просто приняла. — Я готова, — сказала я.

Вейн выдохнул. Поворотил. И вдруг улыбнулся. Не магистр. Человек. — Добро пожаловать домой, Арина.

Толпа выдохнула. Кто-то хлопнул. Потом еще. Потом все. Звук был негромким. Но теплым. Живым. Я не стала кланяться. Не стала улыбаться на камеру. Просто стояла. И чувствовала, как внутри расцветает что-то, что давно ждало своего часа.

Дариан подошел. Не сзади. Не сбоку. Спереди. Встал так близко, что я чувствовала тепло его дыхания. Не нарушая границ. Не торопя. Просто присутствуя.

— Ты сделала это, — прошептал он.

— Мы, — поправила я.

Он усмехнулся. Тихо. Тепло. И вдруг, не спрашивая разрешения, коснулся моей щеки. Не поцеловал. Не обнял. Просто провел пальцем по линии скулы. Легко. Быстро. Как

проверка. Как обещание. Как прикосновение, которое говорит больше слов.

Я не отстранилась. Я закрыла глаза на секунду. И когда открыла, он уже отступил. Но его взгляд остался. Темный. Ясный. Мой.

Мы отошли в сторону, чтобы дать толпе выдохнуть. Дариан купил у торговки два бумажных свертка. Подал мне один. Внутри — булочка с корицей. Теплая. Сладкая. Пахнущая домом.

— Тобен будет ревновать, — сказала я, откусывая кусок. Крошки упали на пальцы. Я не стала стряхивать.

— Тобен получит свою долю, — Дариан прислонился к колонне. Смотрел на меня. Не как на героиню. Как на человека. — Но сначала я хотел убедиться, что ты не сбежишь сразу после испытания.

— Я не бегу, — ответила я. — Я выбираю.

— И что ты выбрала? — спросил он. Не с тревогой. С интересом. С той осторожностью, что появляется, когда человек боится спугнуть чудо.

Я посмотрела на него. На шрам на скуле. На глаза, в которых давно перестали жить иллюзии, но не перестала жить надежда. На руки, которые держали меч и перо, и теперь просто стояли у кармана, готовые принять мое тепло.

— Я выбрала не прятаться, — сказала я тихо. — Не извиняться за то, что занимаю место. Не ждать разрешения быть

собой. И... — я помедлила. Впервые за долгое время не стала подбирать слова. — Я выбрала тебя. Не как контракт. Не как союз. Как человека, который слышит меня, когда я молчу. И молчит, когда мне нужно говорить.

Он замер. Воздух между нами стал гуще. Не от напряжения. От близости. От того момента, когда двое наконец перестают играть в безопасные роли и просто... встречаются.

Дариан сделал шаг. Не нависая. Не давя. Просто сократил расстояние до нуля. Его пальцы коснулись моих. Не для хватки. Для соединения. Ладонь к ладони. Пальцы к пальцам. Тепло к теплу.

— Я не умею быть мягким, — прошептал он. — Не умею ждать. Не умею говорить красиво. Но я умею оставаться. Когда тяжело. Когда страшно. Когда мир рушится. Я остаюсь. И я не уйду. Даже если ты попросишь.

Я улыбнулась. Не ради него. Ради нас. — Я не попрошу, — ответила я. — Но если стану слишком упрямой... просто напомни мне дышать.

— Буду, — он сжал мою ладонь. Чуть крепче. Нежно. — Обещаю.

Мы стояли так. Не целуясь. Не обнимаясь. Просто держась за руки. В центре двора Гильдии. Под солнцем. Под взглядами магов, стражников, зрителей. И нам было все равно. Потому что впервые за долгое время я не чувствовала себя чужой. Я чувствовала себя... дома. В мире. В себе. В нем.

Вечер опускался медленно. Небо окрасилось в оттенки персика и лаванды. Толпа разошлась. Судьи ушли. Вейн оставил на постаменте маленький сверток — знак статуса, мантию, ключ от покоя для Хранителей. Я не стала надевать мантию сразу. Положила ее на плечо Дариану. Он усмехнулся. Не стал спорить.

— Завтра, — сказал он, когда мы вышли за ворота Гильдии. — Мир изменится. Не сразу. Но изменится. Тебя будут искать. Тебя будут бояться. Тебя будут любить.

— Пусть ищут, — ответила я. — Я не прячусь. Пусть бояться. Я не ломаю. Пусть любят. Я не требую. Я просто буду.

Он кивнул. Повел меня по улице, которая вела в Нижний округ. Фонари зажигались один за другим. Их свет был теплым, неярким, как дыхание спящего города.

— Ты знаешь, — вдруг сказал он. — Когда я нашел тебя у Тобена... я думал, что это просто удача. Куратор, которому повезло найти целителя. А потом я понял: это не удача. Это выбор. Мир выбрал тебя. И я... — он остановился. Посмотрел на меня. — Я просто не хотел упустить шанс идти рядом.

Я остановилась тоже. Посмотрела на него. На его лицо. На глаза, в которых не было лжи. Только правда. Тихая. Глубокая. Настоящая.

— Ты не упустил, — прошептала я.

Он улыбнулся. И впервые за все время я увидела в его глазах не тень прошлого. Свет будущего.

Мы пошли дальше. Не спеша. Не оглядываясь. Город жил

своей жизнью. Мы — своей. И впервые за долгое время эти две жизни не пересекались. Они сплетались.

У двери Тобена нас кое-что ждало.

На пороге лежал конверт. Не бумажный. Из ткани. Темно-серой. С вышитым узором: переплетение корней и звезд. Тот же, что появился над камнем в лабиринте.

Я подняла его. Внутри — не письмо, как я думала, а Лист. Серебряный, тонкий, как чешуйка.

На нем было написано одно слово. Не чернилами. Светом. Оно мерцало, едва заметно, но настойчиво:

«Пробуждение.»

Дариан посмотрел на лист. Потом на меня. В его глазах не было страха. Только напряжение. Тихое. Глубокое. — Они нашли тебя, — прошептал он.

— Кто? — спросила я.

— Те, кто ждал три века, — он взял мой ледяной палец в ладонь. Согрел. — Хранители Равновесия не исчезли. Они уснули. И мир, который их забыл, начал трещать. А ты... ты не просто пробудила магию. Ты пробудила память.

Я смотрела на лист. Он не жег. Не давил. Просто ждал. Как дверь, которую можно открыть. Или оставить закрытой.

Вейн молчал. Он подошел к дальней стене, где полки уходили в полумрак, и провел пальцем по каменной плите. С сухим щелчком отъехала потайная створка. Внутри лежал не свиток. Не книга. Обугленный кристалл. Крупный, размером

с кулак, расколотый по центру черной, неровной трещиной. От него не шло света. Только холод. И тихое, едва уловимое гудение, которое я почувствовала не ушами, а в костях.

— Триста лет назад был Раскол, — начал Вейн. Голос его стал тише, но в нем появилась та самая тяжесть, с которой говорят о долгах, которые нельзя отдать. — Хранители не правили. Они не строили барьеров. Они хотели соединить узлы в единую сеть. Живую. Дышащую в одном ритме. Не через приказы. Через согласие.

Он взял кристалл. Не перчаткой. Голой ладонью. Я увидела, как кожа на его пальцах побелела от напряжения.

— Инквизиция испугалась. Не силы. Потери контроля. Если узлы заговорят напрямую, кому нужны будут реестры? Кому нужны будут печати, калибровки, Часовни Согласования? Равновесие не терпит иерархии. А иерархия не терпит равновесия.

Вейн положил кристалл на ладонь и протянул мне.

— Возьми. Но не вливай. Просто слушай.

Я коснулась обугленной поверхности.

Удар пришел не в ладонь. В грудь.

Не звук. Эхо. Я увидела не битву. Не пожар. Я увидела тишину, которую насаждали силой. Десятки людей в простых одеждах стояли в круге. Не с мечами. С руками, протянутыми к земле, к камню, к воздуху. Они дышали. В одном ритме. Сеть гудела — теплая, ровная, как сердцебиение спящего ребенка.

Потом пришли они. Не в доспехах. В серых мантиях. С длинными стержнями из черного металла. Нуль-стержни. Они не атаковали. Они вбивали их в землю. В корни. В сами узлы.

Я почувствовала, как сеть дернулась. Не разорвалась. Захлебнулась. Как будто кому-то пережали горло. Гул превратился в визг. Не от боли. От пустоты. Связи рвались не снаружи. Изнутри. Хранители не падали. Они замирали. Их глаза расширялись. Они пытались удержать ритм, но частота уходила, как вода в песок. Кто-то кричал. Не слова. Частоту. Тонкую, рваную, полную отчаяния.

Потом — тишина.

Не мирная. Мертвая.

Вейн забрал кристалл. Я открыла глаза. Виски пульсировали. На лбу выступила испарина. Вкус меди на языке.

— Они не исчезли, — тихо сказал Вейн. — Их выключили. Не убили. Отключили от сети. Тех, кто сопротивлялся, загнали в нуль-камеры. Тех, кто сломался, переписали. Вставили в проводку глушителей. Сделали инструментом. Ищейки... — он помедлил. — Они не машины, Арина. Они были Настройщиками. До того, как им перерезали резонансные жилы и зашили их нуль-нитью.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Не от страха. От понимания цены.

— Кто отдал приказ? — спросила я.

— Совет Канцелярии. Все семь. Включая моего деда, —

Вейн не опустил глаз. — Он подписал указ о «стабилизации частотного поля». Думал, что спасает Империю от хаоса. А спас только страх. Он умер в тишине. Без эха. Без отклика. Потому что мир, который он заглушил, перестал слышать и его.

Он убрал кристалл обратно в створку. Защелкнул ее.

— Ты спрашиваешь, почему линия сожжена? Ее не жгли. Ее заморозили. Чтобы не пугать людей правдой: контроль — это не защита. Это клетка. И мы сидим в ней триста лет. Дышим через соломинку. И зовем это порядком. Я думал, что держу барьер. А на деле просто запираю все внутри. Страх. Сомнения. Себя.

Я кивнула. Медленно. Внутри что-то перестроилось. Не гнев. Расчет.

Дебет: три века молчания. Кредит: моя частота. Сальдо: отрицательное.

Но я не была здесь, чтобы платить долги предков. Я была здесь, чтобы закрыть проводку.

— Я не буду чинить то, что вы сломали, — сказала я. Голос прозвучал ровно, но в нем не было упрека. Только факт. — Я буду слушать то, что вы заставили замолчать. И если сеть захочет соединиться снова... я не стану ее держать. Я просто отпущу.

Вейн выдохнул. Впервые за все время его плечи опустились. Не в поражении. В облегчении.

— Тогда слушай, Хранительница, — сказал он. — И не

бойся, если эхо окажется громче, чем ты ожидала. Оно имеет право на голос.

— Я не боюсь, — сказала я тихо.

— Знаю, — он улыбнулся. — Но завтра будет не лабиринт. Будет мир. И он не всегда бывает мягким.

Я кивнула. Посмотрела на небо, где зажигались первые звезды. И внутри меня не было страха. Только тишина. И уверенность. И тихая, ясная радость от того, что я наконец нашла свое место в расписании. Не как чужая. Не как гостя. Как Арина. Та, кто слушает мир. И мир слушает ее.

ГЛАВА 5 Тот, кто приходит без стука

Утро в Нижнем округе не начиналось с гонга или переклички. Оно приходило мягко, как теплый плед, который кто-то осторожно накидывает на спящего. Сначала свет. Бледный, молочный, просачивающийся сквозь щели в раме, рисующий на полу длинные, размытые полосы. Потом звуки. Скрип половиц в соседней комнате. Шлепанье босых ног по лестнице. Где-то внизу звякнуло ведро, захлопнулась дверь, женский голос напевал что-то старое, с хрипотцой и улыбкой в каждом звуке. И наконец, запах. Свежий хлеб, жареный лук, мох, старый камень и едва уловимая сладость, которую приносят первые лучи солнца, касаясь крыш.

Я проснулась до рассвета. Не от тревоги. От тишины. Той самой, которая приходит после долгого бега, когда мышцы наконец расслабляются, а дыхание выравнивается. Я лежала на спине, закинув руки за голову, и смотрела на потолок. Деревянные балки, потемневшие от времени, переплетались в узор, похожий на корни старого дерева. Все было на месте. Кровать. Стол. Блокнот. Свеча. И на подоконнике, в луже утреннего света, лежал серебряный лист.

Он не блеснул. Он дышал. Едва заметно, словно поверхность воды после того, как по ней прошел камень. Я не трога-

ла его с вечера. Не потому, что боялась. А потому что знала: некоторые вещи нельзя торопить. Они приходят сами. Когда готовы. Когда ты готов.

Я села. Потянулась. Спина приятно заныла. Тело помнило вчерашнее: лабиринт, эхо, камень, свет, руку Дариана в своей. Не как магия. Как память. Как обещание, которое не нужно проговаривать вслух, чтобы оно стало реальным.

Встала. Подошла к окну. Открыла створку. Воздух был прохладным, но уже не сырым. Город просыпался. Торгашки выносили корзины. Дети бежали по мостовой, смеясь и толкая друг друга. Где-то вдалеке зазвенели колокольчики повозки. Обычная жизнь. Простая. Живая. И впервые за долгое время я не чувствовала себя гостьей в ней. Я чувствовала себя ее частью.

Вернулась к столу. Налила воды из кувшина. Умылась. Расчесала волосы простой деревянной гребенкой. Надела платье из темно-зеленой ткани, которое Тобен отдал «в счет аренды». Оно было свободным, удобным, не стесняло движений. Я зашнуровала ботинки. Проверила карманы. Блокнот. Перо. Латунный балансир. И серебряный лист, который я осторожно завернула в мягкую ткань и положила рядом с сердцем.

Я уже собиралась выйти, когда услышала звук.

Тихий. Мягкий. Не стук. Не скрип. Скорее, легкое шуршание, как будто кто-то осторожно перебирает лапами по старому дереву. Я замерла. Прислушалась. Звук повторился.

Ближе. У двери.

Я открыла. И застыла.

На пороге сидел кот.

Серый. Пушистый. С густой, мягкой шерстью, которая казалась, впитывала утренний свет. На груди — белое пятно, чистое, как снег. Лапки — тоже белые, аккуратные, словно в перчатках. Уши слегка наклонены вперед. Глаза — большие, зеленые, с золотыми искрами в зрачках. Он не мяукал. Не просил. Просто сидел. И смотрел. Не с любопытством. С узнаванием.

Мое дыхание остановилось. Не от страха. От памяти.

На Земле у меня был кот. Точно такой же. Серый, пушистый, с белой грудкой и лапками. Мама нашла его на даче, в коробке из-под обуви. Он был худой, напуганный, но когда я протянула руку, он не убежал. Он подошел. Ткнулся носом в ладонь. И заснул у меня на коленях, мурлыча так громко, что соседи спрашивали, не завела ли я мотор. Я назвала его Левушка. Брат шутил: «Официально — Леопольд. Неофициально — Лев. По факту — пушистый будильник с характером». Он прожил со мной двенадцать лет. Ушел тихо, во сне, когда я была на работе. Я пришла, положила голову на его теплый бок, и впервые за долгое время плакала не от обиды. От благодарности. За то, что был. За то, что любил. За то, что научил меня быть нежной без страха.

А здесь, на пороге комнаты в чужом мире, сидел он. Не похож. Тот же.

Я опустила на колени. Не осторожно. Не боясь спугнуть. Просто, потому что ноги перестали слушаться. Протянула руку. Ладонь дрожала.

Кот не отстранился. Он шагнул вперед. Ткнулся мордой в мою ладонь. Закрыв глаза. И заурчал.

Звук был низким, теплым, вибрирующим. Он шел не из горла. Из груди. Из лап. Из всего тела. Он заполнял комнату, как солнечный свет. Как дыхание. Как возвращение домой после долгой дороги.

— Лева, — прошептала я. Голос сорвался. — Лева...

Он открыл глаза. Посмотрел на меня. И моргнул. Медленно. Доверчиво.

Я рассмеялась. Тихо. Сквозь слезы. Погладила его по голове. Шерсть была мягкой, теплой, живой. Он не отворачивался. Наклонил голову, подставляя шею. Я провела пальцами за ухом. Он зажмурился от удовольствия.

— Леопольд, — сказала я громче. Чтобы услышал не только я. — Официально. Левушка — по-домашнему. Лева — когда тороплюсь. А когда я рядом... ты просто мой.

Он мурлыкал громче. Терся о мои колени. И вдруг, словно решив, что церемония завершена, шагнул внутрь. Прошел мимо меня, как хозяин, который наконец вернулся в свои владения. Обнюхал стол. Потерся о ножку стула. Запрыгнул на кровать. Крутанулся три раза. Лег. Свернулся калачиком. И закрыл глаза. Словно всегда здесь жил.

Я сидела на полу, прислонившись к двери, и смотрела на

него. Внутри что-то распустилось. Не цветок. Крылья. Легкие. Тихие. И я поняла: мир не просто принял меня. Он послал мне напоминание. О том, что любовь не уходит. Она меняет форму. И иногда возвращается, чтобы сказать: *«Ты все еще моя»*.

Шаги на лестнице. Тяжелые. Уверенные. Дверь отворилась без стука.

Дариан вошел, как всегда, слишком тихо для человека его роста. Плащ застегнут, сапоги чистые, лицо спокойное. Но в глазах — та самая тихая настороженность, которая появляется, когда человек боится нарушить хрупкий момент. Он остановился. Увидел меня на полу. Увидел кота на кровати. Увидел мои глаза.

— Ты... — он начал. И не договорил. Потому что слова были бы слишком маленькими для того, что он увидел.

— Это Лева, — сказала я. Голос был ровным, но внутри все еще вибрировало. — Официально — Леопольд. Неофициально — тот, кто решил, что я больше не живу одна.

Дариан шагнул ближе. Не нависая. Не торопя. Просто подошел. Присел на корточки. Посмотрел на кота. Тот открыл один глаз. Посмотрел на него. И не закрыл. Не испугался. Просто оценил.

— Он большой, — заметил Дариан. Голос звучал тихо, с легкой улыбкой. — И пушистый. И, кажется, уже считает эту кровать своей.

— Коты всегда считают все своим, — ответила я, подни-

маясь. — Просто они достаточно мудры, чтобы иногда позволять нам думать иначе.

Дариан усмехнулся. Протянул руку. Не к коту. Ко мне. Я вложила в нее свою. Пальцы сомкнулись. Тепло прошло по коже. Не вспышка. Не магия. Просто контакт. Живой. Настоящий.

— Он пришел не случайно, — сказал Дариан.

— Я знаю, — ответила я. — Он пришел, чтобы напомнить мне, что я умею быть нежной. Без страха. Без условий. Без извинений.

Он кивнул. Медленно. Потом посмотрел на кота снова.

— Как он относится к завтракам?

— С энтузиазмом и полным отсутствием скромности, — улыбнулась я. — Но я думаю, мы поделимся.

— Я не делюсь с котами, — он сделал вид, что задумался. — Но ради тебя... готов рассмотреть вариант.

Лева фыркнул. Открыл оба глаза. Посмотрел на нас. И вдруг спрыгнул с кровати. Прошел мимо Дариана, потерялся о его сапог, оставив пару серых шерстинок на черной коже. Потом вернулся ко мне, прыгнул на колени, свернулся, и снова закрыл глаза. Словно сказал: *«Вы оба мои. Но она — первая»*.

Дариан рассмеялся. Тихо. Тепло. И в этом звуке не было насмешки. Было принятие. Было тихое счастье человека, который давно перестал ждать чуда и вдруг понял, что оно уже сидит на коленях.

— Ладно, — сказал он. — Значит, Леопольд. Официально. Но если он начнет охотиться на мои перчатки... я подам в суд.

— Судья уже здесь, — ответила я, поглаживая кота по спине. — И он на стороне пушистых.

Мы посмеялись. Не громко. Не показно. Просто, потому что внутри стало светло. И легко. И по-настоящему.

Завтрак был простым. Хлеб, сыр, чай с мятой, который Тобен оставил «для гостей, которые умеют ценить тишину». Лева сидел на стуле рядом со мной, внимательно следя за каждым движением. Когда я отломила кусок сыра, он не просил. Просто смотрел. И когда я положила кусочек на край тарелки, он аккуратно взял его, пожевал, и мурлыкнул в знак благодарности.

— Он воспитанный, — заметил Дариан, отпивая чай. — Для кота, — Дариан поставил чашку. Посмотрел на меня. — Гильдия ждет. Вейн просил прийти до полудня. Архив закрыт для посторонних. Но для Хранительницы... двери откроются.

— Я готова, — сказала я. — Но не сегодня. Не сейчас. Мне нужно... привыкнуть. К нему. К себе. К тому, что мир не требует от меня силы.

Дариан кивнул. Не стал спорить. Не стал торопить. Просто протянул руку над столом. Я положила свою ладонь на его. Не для поддержки. Для связи. Для тишины, которую не

нужно заполнять словами.

— Архив подождет, — сказал он. — Мир тоже.

Мы вышли только после полудня, когда солнце уже стояло высоко, а тени стали короткими и четкими. Лева не пошел с нами. Он остался на пороге, сидел ровно, смотрел на нас зелеными глазами.

— Он не уйдет, — сказал Дариан, когда мы спустились по лестнице. — Коты этого мира привязываются к тем, кто их слышит. Не кормит. Не лечит. Слышит.

— Он слышит меня, — ответила я. — И я слышу его. Этого достаточно.

Дорога к Гильдии была знакомой, но не повторяющейся. Улицы менялись. Люди менялись. Воздух менялся. И я шла по нему не как кандидатка. Не как изгнанница. Как Хранительница. Не потому что статус дал мне право. А потому что я приняла его не как ярлык. Как ответственность.

Врата Гильдии были открыты. Внутри, в просторном внутреннем дворе, уже не было толпы. Только несколько магов в синих мантиях, спешащих по своим делам. Вейн ждал нас у входа в Архив. Не на возвышении. Не в мантии магистра. В простой белой рубашке, с седыми висками, с книгой в руках. Он выглядел не как судья. Как учитель. Как человек, который давно перестал ждать поклонения и начал ждать понимания.

— Арина, — он кивнул. Не кланяясь. Не оценивая. Про-

сто приветствуя. — Дариан. Вы пришли вовремя.

— Мы не опаздываем, — ответила я. — Мы приходим, когда готовы.

Вейн усмехнулся. Тихо. Беззлобно. — Мудрый ответ. Для Хранительницы. Идите. Архив ждет. И... — он помедлил. — Не ищите там ответов. Ищите вопросы. Ответы придут сами. Когда вы перестанете их торопить.

Я кивнула. Дариан шагнул рядом. Не впереди. Не сзади. Рядом. Мы вошли в арку.

Архив был не библиотекой. Не хранилищем. Высокие полки уходили в потолок, покрытые пылью и временем. Свитки лежали в деревянных ящиках, книги — на столах, кристаллы — в стеклянных сферах, но ни один из них не был заперт. Ни один не был скрыт. Все было открыто. Доступно. Живое. Воздух пах старой бумагой, воском, сушеными травами и чем-то неуловимо сладким, как мед, настоящий на лунном свете.

В центре зала стоял низкий стол. На нем — не свиток. Не книга. Просто каменная чаша. Гладкая. Темная. С легким узором, напоминающим переплетение корней. Рядом с ней — место для серебряного листа.

Я подошла. Остановилась. Дариан остался у края. Не чтобы уйти. Чтобы дать мне пространство.

Я достала лист из-за платья. Развернула ткань. Положила его на край чаши. Он не упал. Не заскользил. Просто лег. И сразу засветился. Не ярко. Не резко. Мягко. Рассеянно. Как

дыхание. Как прикосновение. Как возвращение.

Из чаши поднялся туман. Не холодный. Теплый. Он обнял мои руки, скользнул по плечам, коснулся лица. И внутри меня что-то открылось. Не дверь. Окно. В мир, который я не знала, но уже чувствовала.

Видения пришли не как картины. Как ощущения. Как запахи. Как звуки. Как прикосновения.

Туман отступил. Свет угас. Лист остался на чаше. Но изменился. На его поверхности проступили узоры. И в центре — одно слово. Оно мерцало, едва заметно, но настойчиво:

«Слушай.»

Лист на чаше мерцал, выводя одно слово: «Слушай».

Я провела пальцем по краю камня. Слово было красивым, но слишком широким. Как приказ «дыши» человеку, который забыл, как это делать. — Слушать что? — спросила я, не отрывая взгляда от пергамента. — Узлы? Частоту? Я чувствую их как напряжение. Как сжатую пружину. Инстинктивно тянет разжать. Выровнять. Как испорченный баланс.

Вейн сделал шаг ближе. Туман из чаши медленно оседал, оставляя на камне лишь влажный блеск. — Ты пытаешься починить, — сказал он тихо. В его голосе не было упрека. Только та самая усталая мудрость человека, который видел слишком много сломанных инструментов. — Это первая ловушка для тех, кто привык к цифрам. Ты ищешь ошибку в проводке. Хочешь переписать строку, чтобы сошлось сальдо.

Он остановился напротив. Посмотрел на мои руки, все

еще сжатые в легкие кулаки.

Вейн не стал повышать голос. Провел пальцем по трещине в чаше.

— Три века мы пытались его завязать. Он не веревка.

Я коснулась края. Холод пошел в кость.

— Он не сломан, — выдохнула я. — Он ждет подписи.

— Не латай, — Вейн отвел взгляд. — Спроси, чего ему не хватает. А потом решай: дать или уйти.

Я представила треснувшую чашу. Вливать в нее воду — бесполезно. Она просто утечет. Но если найти трещину, подставить ладонь, почувствовать, откуда течет...

— Твоя задача — не заткнуть крик. А услышать, что он говорит. Чего ему не хватает? Где его порвали? Что он пытается удержать?

Я закрыла глаза. И вдруг все встало на свои места. Не как теория. Как память тела. Я вспомнила кота у дворца. Я не вливала в него здоровье. Я просто нашла место, где тепло утекало, и прикрыла его ладонью. Вспомнила Дариана в мастерской Тобена. Я не выжигала паразита. Я дала ему русло, чтобы он ушел, не разрывая сосуд.

— Признать, — прошептала я. — Не исправить. А признать.

Вейн улыбнулся. Едва заметно.

— Именно. Ты не бухгалтер, который сводит дебет с кредитом, стирая недостачу. Ты — аудитор, который находит, где система дала сбой, и помогает ей вспомнить, как рабо-

тать честно.

Сзади тихо скрипнула половица. Сорен, который все это время стоял у входа, не выдержал и шагнул вперед. В его руках был тот самый пустой леджер.

— Я всю жизнь заполнял страницы, — сказал он, глядя на чистую бумагу. — Думал, если запишу все правильно, боль исчезнет. А она просто переходила в следующую графу. Ты показала мне, Арина... что иногда страницу не нужно заполнять. Ее нужно просто перевернуть. И позволить ветру высушить чернила.

Я посмотрела на свои ладони. Линии под кожей больше не были. Они гудели. Ровно. Тихо. Как настройка гитары перед концертом. — Я понимаю, — сказала я. И на этот раз голос не дрогнул. — Я не буду чинить. Я буду слушать.

Вейн кивнул.

— Тогда иди. Первый узел ждет не ремонта. Он ждет свидания.

Я убрала руку. Дышала ровно. Внутри не было страха. Только тихая, ясная радость от того, что я наконец поняла: магия не подчиняется. Магия соглашается. И я не должна ломать мир, чтобы он принял меня. Я должна просто быть в нем, и он примет меня.

— Не дави. Перераспредели. Сосуд треснул — лей в трещину, а не в центр. Ты не командуешь потоком. Ты с ним договариваешься. Ты не заставляешь узел слушать. Ты даешь ему причину ответить.

— Ты увидела, — прозвучал голос из глубины зала. Вейн. Он стоял у входа. Не как магистр. Как человек. — Не прошлое. Не пророчество. Просто... напоминание. Хранители не исчезли. Они уснули. Потому что мир перестал слушать. А ты... ты не пробудила силу. Ты пробудила память. И мир, который забыл, как дышать, наконец выдохнул.

Он усмехнулся. Тихо. Тепло. И вдруг, не спрашивая разрешения, коснулся моей щеки. Не поцеловал. Не обнял. Просто провел пальцем по линии скулы. Легко. Быстро.

Я не отстранилась. Я закрыла глаза на секунду. И когда открыла, он уже отступил. Но его взгляд остался. Темный. Ясный. Мой.

Мы вышли из Архива, когда солнце уже клонилось к закату. Небо окрасилось в оттенки персика и лаванды. Воздух стал прохладнее. Тише. Живее. Дариан провел меня по улице, которая вела в Нижний округ. Фонари зажигались один за другим. Их свет был теплым, неярким, как дыхание спящего города.

— Ты знаешь, — вдруг сказал он. — Когда я нашел тебя у Тобена... я думал, что это просто удача. Куратор, которому повезло найти целителя. А потом я понял: это не удача. Это выбор. Мир выбрал тебя. И я... — он остановился. Посмотрел на меня. — Я просто не хотел упустить шанс идти рядом.

Я остановилась тоже. Посмотрела на него. На его лицо. На глаза, в которых не было лжи. Только правда. Тихая. Глубо-

кая. Настоящая.

— Ты не упустил, — прошептала я.

Он улыбнулся. И впервые за все время я увидела в его глазах не тень прошлого. Свет будущего.

Мы пошли дальше. Не спеша. Не оглядываясь. Город жил своей жизнью. Мы — своей. И впервые за долгое время эти две жизни не пересекались. Они сплетались.

У двери Тобена нас ждала не тишина. Не пустота. Не ожидание.

На пороге лежал Лева. Не спал. Не играл. Просто сидел. И смотрел. Когда я подошла, он встал. Потерял о мои ноги. Замяукал. Тихо. Просительно. Не от голода. От радости.

Я улыбнулась. Взяла кота на руки. Он был тяжелым. Теплым. Живым. Он уткнулся мордой мне в шею. Заурчал.

— Завтра, — сказал Дариан. — Мир изменится. Не сразу. Но изменится. Тебя будут искать. Тебя будут бояться. Тебя будут любить.

— Пусть ищут, — ответила я, прижимая кота к груди. — Я не прячусь. Пусть боятся. Я не ломаю. Пусть любят. Я не требую. Я просто буду.

Дариан сел на стул у окна. Не ушел. Не спал. Просто сидел. И смотрел на меня. Не как на героиню. Как на человека. Как на ту, кто наконец перестала извиняться за то, что занимает место.

— Спи, — прошептал он. — Я здесь.

— Знаю, — ответила я. — И ты тоже.

Он улыбнулся. Тихо. Тепло. И в этом звуке не было насмешки. Было принятие. Было тихое счастье человека, который давно перестал ждать чуда и вдруг понял, что оно уже сидит на кровати, мурлычет, и называет его своим.

Я закрыла глаза. И заснула. Не как изгнанница. Не как попаданка. Как Арина. Та, кто наконец нашла свое место. И мир, который долго ждал, наконец выдохнул.

ГЛАВА 6 Нити, которые учат слушать

Утро следующего дня началось с мурлыканья. Лева сидел на подоконнике, смотрел в окно.

Я улыбнулась. Встала. Подошла к окну. Открыла створку. Воздух был прохладным, но уже не сырым. Город просыпался. И я шла по нему не как чужая. Не как гостя. Как та, кто наконец нашла свое место. И мир, который долго ждал, наконец выдохнул.

А серебряный лист на столе светился. Едва заметно. Настойчиво. И на нем проступило новое слово. Оно мерцало, как дыхание:

«Начинай.»

Дверь отворилась без стука. Дариан вошел, как всегда, с той тихой грацией, которая заставляла думать, будто он не ходит, а скользит. Плащ был расстегнут, рубашка слегка помята, волосы растрепаны, но глаза — ясные. Он нес поднос с двумя чашками, корзинкой с хлебом и куском сыра. И смотрел на меня так, будто только что нашел то, что долго искал, и боялся спугнуть.

— Тобен говорит, что ты не любишь рано вставать, — поставил он поднос на стол. Голос звучал низко, с легкой усмешкой. — Но я решил проверить, правда ли это.

Дариан присел на стул, потянулся за чашкой. Пар поднимался к потолку, рисуя в воздухе тонкие, танцующие линии. Я сделала глоток. Чай был теплым, с мятой и медом, именно таким, каким его заваривала мама по воскресеньям. Внутри что-то дрогнуло и расправило крылья. Не тоска. Память. Та, что не тянет назад, а дает силы идти вперед.

— Вейн прислал птицу, — сказал Дариан, доставая из кармана маленький сверток из пергамента. — Не кристалл. Не приказ. Просто лист. На нем одно предложение: «В квартале Ткачей нить устала. Не порвалась. Просто... перестала слушать. Послушай ты».

Я взяла пергамент. Бумага была шершавой, теплой от пальцев Дариана. Слова не давили. Не требовали. Просто просили. И в этом была разница между старой Гильдией и тем, чем она могла стать.

— Я готова, — сказала я.

Доела хлеб. Выпила чай. Умылась. Расчесала волосы. Надела платье, зашнуровала ботинки. Проверила карманы. Блокнот. Перо. Латунный балансир. Серебряный лист, завернутый в ткань. И крошечный кусочек сыра, который Лева «забыл» съесть. Я положила его в карман. На всякий случай.

Квартал Ткачей пах красками и влажной шерстью. Мы с Дарианом шли по узкой улице, где на веревках сушились лоскуты всех цветов — от бледно-голубого до густой бордовой охры. Ветер играл с ними, и казалось, что город надел

праздничные флаги.

На перекрестке, где три улицы сходились в одну площадь, стоял прилавок. На нем лежали странные товары. Камни с трещинами. Перья, окрашенные в странные цвета. Бусины, нанизанные на нити, которые, казалось, сами слегка покачивались, хотя ветра не было. А за прилавком сидел он.

Высокий. Худой. В длинном плаще, сшитом из лоскутков, как будто кто-то собрал его из разных жизней. Волосы темные, слегка выющиеся, глаза острые, карие, с золотыми искрами в уголках. Он не смотрел на нас. Смотрел на бусину, которую перебирал в пальцах. И когда мы остановились, он поднял голову. Улыбнулся. Не широко. Тихо. С тем выражением, которое появляется у человека, который давно перестал удивляться миру, но не перестал его любить.

— Гости, — сказал он. Голос был хрипловатым, но теплым, как старый плед. — Или клиенты. Или просто те, кто идет мимо и не знает, что уже вошел. Зависит от того, что вы ищете.

— Мы не ищем, — ответила я. — Мы идем.

— Еще лучше, — он отложил бусину. Протянул руку. Не для рукопожатия. Для жеста. — Кайрос. Торгую тем, что другие выбрасывают. Памятью. Эхом. Нитями, которые потеряли хозяев, но не потеряли смысл.

— Нам нужна нить, — сказала я. — В квартале Ткачей. Она устала. Перестала слушать.

Кайрос кивнул. Медленно. Достал из-под прилавка ма-

ленький мешочек из льна. Развязал. Внутри лежал камень. Не драгоценный. Обычный. Серый. С трещиной посередине, которая, казалось, шла не снаружи, а изнутри. Он взял его, положил мне на ладонь.

— Это не амулет, — сказал он тихо. — Это эхо. Тот, кто держит его, слышит то, что нить хочет сказать. Не то, что она должна. Не то, что ей приказали. А то, что она чувствует. Но будьте осторожны. Те, кто тянет нити слишком сильно, часто забывают, что нити тоже умеют рвать.

Я закрыла пальцы на камне. Он был теплым. Живым. Вибрирующим. Не от магии. От истории.

— Спасибо, — сказала я.

— Не благодарите, — Кайрос усмехнулся. — Когда нить оживет, оставьте у моего прилавка лоскут ткани. Любой. Я соберу их в одну и получится одеяло для тех, кто забыл, как греться.

Двор, где жила нить, был маленьким. Почти квадратным. В центре росло дерево. Не большое. Не старое. Но с корнями, которые, казалось, уходили не в землю, а в саму память квартала. Листья на нем были серыми. Не увядшими. Просто уставшими. Словно они долго несли на себе чужие желания, чужие просьбы, чужие страхи, и теперь просто хотели отдохнуть.

Под деревом сидела девушка. Молодая. Лет двадцати. В простой серой мантии, испачканной чернилами и пылью. Во-

лосы собраны в неаккуратный пучок, из которого выбивались пряди. Пальцы дрожали. Она держала в руках книгу. Толстую. В кожаном переплете. И читала вслух. Торопливо. Нервно. Словно боялась, что если остановится, все рухнет.

— ...и пусть свет войдет в корни! — читала она заклинание в сотый раз.

Дерево не реагировало.

— Хватит, — сказала я, подходя.

Девушка вздрогнула.

— Я делаю все по протоколу!

— Протокол не умеет слушать, — я опустилась на корточки в трех шагах от ствола. Не коснулась коры. Просто смотрела на серые листья. — Теперь твоя очередь. Сядь напротив. И не читай.

Элиора растерянно опустилась на землю напротив меня.

— Что я должна делать?

— Представь, что дерево — это человек, который устал. Он не хочет, чтобы его трогали. Не хочет, чтобы ему читали лекции. Он просто хочет, чтобы кто-то сел рядом и спросил: «Что тебе нужно?»

— Спросить? — она перевела взгляд на дерево. — Но оно не ответит.

— А ты попробуй.

Она несмело, без жестов, одними губами прошептала: «Что тебе нужно?»

Тишина. Я уже думала, что ничего не выйдет. Но по-

том один лист на нижней ветке дрогнул. Не от ветра — от внутреннего движения. Зеленый цвет пополз от основания к краю, медленно, как вода, пропитывающая сухую ткань.

Элиора ахнула.

— Не отводи глаз, — сказала я. — И не трогай. Он сам решил показать тебе.

Лист стал зеленым. За ним — второй, третий. Дерево не засветилось, не загудело. Оно просто перестало быть серым.

— Это... это все? — прошептала девушка.

— Это начало, — я встала, отряхнула колени. — Завтра приходи к колодцу. Не с книгой. С собой.

Элиора кивнула, прижимая к груди фолиант, но уже не как щит, а как ненужную вещь.

Элиора рассмеялась. Тихо. Тепло. И пошла дальше. Ее шаг был легче. Плечи расправились. И я поняла: мир не требует от нас силы. Он просит присутствия. И когда мы даем ему это, он дает нам себя.

Дариан шел рядом. Не впереди. Не сзади. Рядом. Его рука иногда касалась моей. Не для хватки. Для связи. Для тишины, которую не нужно заполнять словами.

— Когда мне было шестнадцать, — он вдруг сказал. Голос был низким, ровным, но в нем дрожала тень. — Я пытался удержать барьер. Один. Без наставников. Без подсказок. Я вливал силу. Повторял слова. Делал все, как учили. И барьер треснул. Не потому, что я слабый. А потому что я не слушал. Я тянул нить. А она хотела отдохнуть. Шрам...

— он коснулся скулы. Не с болью. С принятием. — Это не память о битве. Это память о том, что значит не слышать. И я больше не хочу этого забывать.

Я посмотрела на него. На его лицо. На шрам, на глаза, в которых не было лжи. Только правда. Тихая. Глубокая. Настоящая.

— Ты не обязан помнить через боль, — сказала я тихо.
— Ты можешь помнить через заботу. Через тишину. Через руку, которая не тянет, а держит.

Он улыбнулся. Не широко. Тихо. И в этом звуке не было насмешки. Было признание. Было тихое счастье человека, который давно перестал ждать чуда и вдруг понял, что оно уже сидит рядом, дышит в одном ритме, и называет его своим.

ГЛАВА 7 Круг, который не ждет очереди

Утро в Нижнем округе пахло печеным хлебом, мокрой землей и чем-то неуловимо свежим. Мы с Дарианом шли по улице, где на веревках сушились лоскуты всех цветов, а воздух дрожал от далекого звона колокольчиков. Вейн прислал записку: «Сегодня в полдень — сбор. Не опаздывай. Приходи с пустыми руками и с полным дыханием».

— Куда мы идем? — спросил Дариан, поправляя ремень сумки, в которой лежали только вода, хлеб и железный прут на случай, если придется заземлять частоту.

— В старый двор за мельницей, — ответила я. — Там, где когда-то ткали не нити, а узоры.

— Ты пойдешь одна, — сказал Дариан, останавливаясь у края арки. Его голос был ровным, но в глазах дрожала тень. Не страха. Заботы. — Так написано на пергаменте. И я не стану ломать слова, которые мир выбрал для тебя.

— Я не буду одна, — ответила я. Положила руку на его грудь. Не чтобы успокоить. Чтобы связать. — Ты здесь. Лева здесь. Элиора придет. Кайрос будет ждать. Вейн присылает эхо. Мир не требует от меня силы. Он просит присутствия. И я буду присутствовать. Даже там, где тропа уходит в туман.

Он закрыл глаза на секунду. Вдохнул. Выдохнул. И когда

открыл их, в них не было страха. Только тишина. И уверенность. И тихая, ясная радость от того, что он наконец нашел то, что искал. Не в битвах. Не в долге. В человеке, который не прячется. Не извиняется. Не ломает. Просто слушает. И идет.

— Я буду ждать у арки, — сказал он. — Когда будешь готова вернуться. Если там будет тяжело... — он помедлил. — Кричи. Я услышу. Даже через туман.

Я улыбнулась. — Я не буду кричать. Я буду слушать.

Он усмехнулся и остался стоять у входа во двор — не внутри, не снаружи, на границе. Его рука лежала на рукояти меча, но не для атаки. Для связи.

Двор оказался круглым, выложенным потрескавшимся камнем. В центре стояла не чаша, не дерево, не колодец. Стояла глина. Большой, грубо слепленный круглый стол, еще мягкий, с отпечатками пальцев, будто его только что вылепили из сырой земли. На столе — ни инструментов, ни свитков. Только горсть сухой мяты, три камня разного цвета и старый, заржавленный ключ без замка.

Вокруг стола уже стояли люди.

Не толпа. Круг.

Я узнала их не по лицам, а по частотам.

Элиора — тревожная, как натянутая струна, сжимала в руках не книгу, а лоскут выцветшей ткани.

Кайрос — торговец эхом, в плаще из лоскутков, перебирал бусины, но не считал, а просто держал.

Мира — женщина с седой косой, опиралась на посох, увитый сухой лозой, и смотрела не на нас, а на глиняный стол.

Сильви — слепая, с закрытыми глазами, положила ладони на край стола и просто дышала.

Таррас — коренастый, с мозолистыми руками, держал лопату, но не как оружие, как опору.

Лира и Иона — танцовщица и немой хранитель тишины — стояли рядом, не касаясь друг друга, но их дыхание шло в одном ритме.

И Мирон — хранитель памяти — сидел на камне у края, перебирая пальцами сухие листья.

— Ты пришла, — сказала Мира, не оборачиваясь. — Не одна. И не с пустыми руками.

Я опустила сумку на землю. — В сумке только вода и хлеб. — Этого достаточно, — ответил Кайрос. — Хлеб для тела. Вода для частоты. Садись.

Я села на камень, который оказался теплым, будто его только что согрело солнце, хотя небо было серым. Дариан остался стоять у входа в круг — не внутри, не снаружи, на границе. Его рука лежала на рукояти меча, но не для атаки. Для связи.

— Мы собираемся не для того, чтобы учить тебя, — сказала Сильви, не открывая глаз. — Мы собираемся, чтобы ты научилась слышать не по одному голосу, а хором. Мир не состоит из отдельных нитей. Он состоит из узлов. И сегодня ты в центре узла.

Я посмотрела на глиняный стол. На мяту, камни, ключ. — Что я должна делать?

— Ничего, — ответил Мирон. — Просто быть. И слушать. Не ушами. Кожей. Костями. Тем, что остается, когда ты перестаешь притворяться.

Я закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. И вокруг меня заговорили.

Не словами. Частотами.

Элиора принесла лоскут — не идеальный, с пятнами, с неровными краями, но теплый. Я почувствовала, как он лежит на столе, и в его ткани — не магия, а надежда.

Кайрос положил рядом камень — не гладкий, с трещиной, из которой сочилось эхо несказанных слов. Мира добавила горсть сухой земли — не ритуально, просто чтобы был контакт.

Сильви провела пальцем по глине, оставляя борозду, и в этой борозде я слышала не инструкцию, а приглашение.

Таррас молча поставил у края стола лопату — инструмент, которым он рыхлил землю, когда не мог говорить.

Лира подняла руки, и ветер, которого не было, вдруг коснулся моего лица, не холодный, просто живой.

Иона не сделал ничего. Он просто стоял, и в его тишине было больше слов, чем в речах магистров.

— А теперь, — сказала Мира, — открой глаза.

Я открыла.

Глиняный стол не изменился. Но частота вокруг него ста-

ла ровнее. Не идеально — шероховато, как хорошо сделанная работа, в которой не пытались скрыть следы пальцев.

— Ты почувствовала? — спросила Элиора, и в ее голосе не было страха. Было любопытство.

— Я почувствовала, что вы не учителя, — ответила я. — Вы свидетели. И вы пришли не учить. Вы пришли напомнить, что я не одна.

Кайрос усмехнулся.

— Умная девочка. Но ум не спасает от одиночества. Спасает круг. А круг не держится на умных словах. Он держится на том, что вы сидите рядом, даже когда не знаете, что сказать.

Таррас наконец заговорил, голос хриплый, как камень, трущийся о камень:

— Я потерял голос, когда понял, что кричать бесполезно. Потом научился слушать. И нашел, что земля говорит громче, чем люди. Но земля говорит не словами. Она говорит корнями.

Он взял лопату, воткнул в землю у края стола. Не глубоко. Просто оставил там, как знак.

— Теперь ты, — сказала Сильви, поворачивая ко мне лицо с закрытыми глазами. — Положи руки на стол. Не для того, чтобы взять. Для того, чтобы найти.

Я положила ладони на глину. Она была холодной, но не чужой. Я не стала вливать энергию. Не стала требовать. Я просто ждала.

Минута. Другая.

Потом я почувствовала под правой ладонью что-то твердое. Не глина — инородный предмет, запечатанный в ней давно, еще когда стол только лепили. Я не стала вытаскивать силой. Я просто спросила мысленно: «Ты хочешь выйти?»

Глина под моими пальцами треснула. Не глубоко, ровно настолько, чтобы освободить то, что внутри. Я аккуратно подцепила край предмета и вытянула его наружу.

Маленький камень. Темно-серый, с прожилками, похожими на кровеносные сосуды. И на нем — выгравированный символ: открытый глаз с тремя ресницами.

Лира ахнула.

— Ключ Ветров, — прошептала она. — Я думала, он потерян три века назад.

— Что он открывает? — спросил Дариан.

— Не дверь, — ответила Лира, беря камень в руки. — Частотный замок в коллекторе. Тот, что ведет к первому узлу.

Я смотрела на камень, который вытащила из глины, не касаясь его магией — просто спросив разрешения. И поняла: узлы не всегда дают свет. Иногда они дают ключи.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь ты знаешь, что такое узел, — ответил Мирон. — Не напряжение. Не разрыв. Встречу. Место, где частоты не сталкиваются, а дышат вместе. И твоя задача — не развязывать узлы. Не гасить их. Просто быть рядом, когда они решат, что готовы.

За спиной кашлянул Дариан. Я обернулась. Он смотрел не на стол, а вверх, на крышу мельницы, где мелькнула тень.

— Пора, — сказал он. — Не для философии. Для движения. Ищейки уже знают, что мы здесь.

Я встала. Посмотрела на круг. На Элиору, которая перестала бояться своей неидеальности. На Кайроса, который перестал прятать эхо за прилавком. На Миру, Сильви, Тарраса, Лиру, Иону, Мирона — всех, кто пришел не учить, а свидетельствовать.

— Спасибо, — сказала я. Не громко. Не театрально. Просто приняла.

— Не благодари, — ответила Мира. — Круг не требует благодарности. Он требует, чтобы ты вернулась. Живой. С голосом. С откликом.

Я подхватила сумку. Дариан уже ждал у выхода из двора. Мы ушли не бегом — быстрым шагом, чувствуя, как за спиной частота круга не гаснет, а остается, как якорь, как обещание, как тихий, но надежный маяк.

И когда мы вышли на улицу, я поняла: я больше не одна. Не потому, что кто-то шел рядом. А потому что я наконец разрешила себе быть частью.

У двери Тобена нас ждала не тишина. Не пустота. Не ожидание.

На пороге лежал Лева. Не спал. Не играл. Просто сидел. И смотрел. Когда я подошла, он встал. Потерся о мои ноги.

Замяукал. Тихо. Просительно. Не от голода. От радости.

— Он ждал, — сказала я, приседая. Погладила его по голове. — Весь день.

— Коты этого мира умеют ждать, — Дариан прислонился к косяку. — Но только тех, кто возвращается.

Я улыбнулась. Взяла кота на руки. Он был тяжелым. Теплым. Живым. Он уткнулся мордой мне в шею. Заурчал. И внутри меня все затихло. Не от усталости. От покоя. От чувства, что я наконец нашла свое место. Не как чужая. Не как гостья. Как Арина. Та, кто слушает мир. И мир слушает ее.

— Завтра, — сказал Дариан. — Элиора придет. Кайрос будет ждать лоскут. Вейн пришлет новое эхо. Мир изменится. Не сразу. Но изменится.

Дариан сел на стул у окна. Не ушел. Не спал. Просто сидел. И смотрел на меня. Не как на героиню. Как на человека. Как на ту, кто наконец перестала извиняться за то, что занимает место.

— Спи, — прошептал он. — Я здесь.

— Знаю, — ответила я. — И ты тоже.

Он улыбнулся. Тихо. Тепло. И в этом звуке не было насмешки. Было принятие. Было тихое счастье человека, который давно перестал ждать чуда и вдруг понял, что оно уже сидит на кровати, мурлычет, и называет его своим.

Я закрыла глаза. И заснула. Не как изгнанница. Не как попаданка. Как Арина. Та, кто наконец нашла свое место. И мир, который долго ждал, наконец выдохнул.

Утро следующего дня началось не с мурлыканья.

Оно началось с дыхания.

Тихого. Ровного. Я открыла глаза. Лева уже сидел на подоконнике, уши прижаты, хвост обернут вокруг лап, зеленые глаза смотрели в окно не с любопытством. С настороженностью.

Я встала. Подошла. Открыла створку.

На пороге не было человека. Был корень. Не сломанный. Не выкопанный. Скорее, живой. Из светлой древесины, покрытой мхом, с естественным изгибом, похожим на дугу, на мост, на объятие. На нем не было слов. Только ощущение. И в центре — крошечный кристаллик смолы. Он не горел. Он хранил. Внутри него, словно в капле дождя, отражался кусочек неба, кусочек комнаты, кусочек моего лица. Не искаженный. Настоящий.

Я взяла корень. Древесина была теплой. Живой. Я не стала торопиться. Просто развязала шнурок. Достала содержимое.

Не письмо. Не приказ. Не угроза. Лист. Не серебряный. Не пергаментный. Скорее, сплетенный. Из корней, из света, из дыхания. На нем было написано одно предложение. Не словами. Ощущением:

«Корни признаны. Память живет. Приди. Не одна. Или не приходи вовсе».

И под ним — не подпись. Символ. Тот же полумесяц над

глазом. Но теперь глаз был закрыт. И в нем мерцала искра. Не огня. Памяти.

Дариан подошел беззвучно. Увидел лист. Его дыхание на секунду сбилось. Он не стал трогать его. Просто посмотрел на меня. В его глазах не было страха. Только напряжение. Тихое. Глубокое. Настоящее.

Лева спрыгнул с подоконника. Подошел. Потерял о мои ноги. Заурчал. И внутри меня все затихло. Не от усталости. От покоя. От чувства, что я наконец нашла свое место. Не как чужая. Не как гостья. Как Арина. Та, кто слушает мир. И мир слушает ее.

Я закрыла дверь. Положила лист на стол. Рядом с серебряным листом. Рядом с латунным балансиром. Рядом с блокнотом, где я писала не отчеты, а обещания. И внутри меня не было страха. Только тишина. И уверенность. И тихая, ясная радость от того, что мир, который долго ждал, наконец выдохнул.

А лист светился. Едва заметно. Настойчиво. И на нем проступило новое слово. Не корнем. Светом. Оно мерцало, как дыхание. Как прикосновение. Как обещание:

«Слушай. Но не бойся слышать. И не бойся быть услышанной. И не бойся остаться. И не бойся выбрать».

ГЛАВА 8 Испытание резонанса и тень, что пришла из прошлого

Свет в зале Гильдии падал не мягкими полосами, а резкими, почти хирургическими лучами, пробивающимися сквозь высокие витражи, украшенные гербами древних родов и символами стихий, которые я все еще училась отличать друг от друга. Воздух пах старым пергаментом, холодным камнем и напряжением.

Сегодня был день Вступительного Резонанса, и хотя я давно перестала считать себя кандидаткой, стремяще

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.